

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

(наименование института полностью)

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»
(наименование)

45.03.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Отечественная филология (русский язык и русская литература)

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)**

на тему «Языковые средства выражения бинарной оппозиции «духовность-
бездуховность» в романе С. Минаева "Dухless"»

Студент

Т.Г. Нуруллаева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

доктор педагогических наук, профессор, Л.А. Сомова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация бакалаврской работы

Выпускная работа бакалавра Турканы Габил кызы Нуруллаевой выполнена на тему «Языковые средства выражения бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева "Duxless"». Объектом исследования стал роман С. Минаева «Duxless: Повесть о ненастоящем человеке» (2006). Предметом исследования выступили БЕЗ (БЕС)-префиксальные языковые конструкции и лексические единицы, позволяющие заявить о концептуализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Duxless».

Цель бакалаврской работы заключается в том, чтобы интерпретировать особенности языковых средств выражения бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаев «Duxless».

Основные решаемые задачи: освоить теоретическую литературу, посвященную бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в русском языке и изучить особенности БЕЗ (БЕС)-приставочных языковых конструкций с позиций русской лингвистической традиции; выявить специфику репрезентации и интерпретации языковых средств выражения БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических единиц и концептуализации ценностной гиперсемы бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в контексте романа «Duxless»; проанализировать употребляемые в тексте слова, сочетания с приставкой БЕЗ (БЕС)- и доминантные антонимические пары бинарной оппозиции «духовность-бездуховность»; классифицировать функционирующие в тексте романа «Duxless» БЕЗ (БЕС)-префиксальные лексемы, контрарные понятия путем распределения их в конкретные семантико-мотивационные модули и лексико-семантические поля с учетом концептуальной гипероппозиции «духовность-бездуховность».

Значимость исследования состоит в том, что:

1. В романе С. Минаева «Duxless» основу смыслообразующего значения речестилевой системы составляют БЕЗ (БЕС)-префиксальные

лексемы и бинарные оппозиции семантических субстанций концептуальной лексической единицы «духовность-бездуховность».

2. Слова и сочетания с приставкой БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Dухless» можно объединить типологически путем классификации и распределения по семантико-мотивационным модулям.

3. Среди БЕЗ (БЕС)-приставочных конструктивных единиц в количественном соотношении в тексте романа «Dухless» преобладают БЕЗ-префиксальные лексемы.

4. В выявленной классификации инвариантных лексических пар бинарной оппозиции «духовность-бездуховность», преобладают индивидуально-авторские контекстуальные антонимы.

5. В структуре классификации языковой концептуализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в количественном соотношении доминируют языковые единицы, составляющие лексико-семантическое поле гипероппозиции «духовность».

Практическая значимость бакалаврской работы по русскому языку заключается в том, что результаты проведенных наблюдений предоставляют возможность применить их в учебных целях на уроках русского языка и литературы в школе и вузе.

Материалы исследования прошли апробацию в процессе изучения темы «Роль приставок в художественном тексте» в МБУ городского округа Тольятти «Школа № 59» имени Г.К. Жукова среди учащихся 9 класса; представлены в виде тезисов научного доклада для научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (2018-2020, ТГУ), а также для всероссийской студенческой научно-практической конференции «Молодежь. Наука. Общество» (г. Тольятти, 2019 г.). Опубликована в виде статьи в научном журнале Поволжского православного института имени Святителя Алексия Московского «Поволжский вестник науки» № 1 (15) (г. Тольятти, 2020 г.).

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1 Бинарная оппозиция «духовность-бездуховность» в русском языке	14
1.1 Бинарная оппозиция как лингвистическая категория.....	14
1.1.1 Понятие бинарной оппозиции в лингвистике и ее характеристика.....	14
1.1.2 Примеры функционирования бинарных оппозиций в тексте	20
1.1.3 Характеристика оппозиции «духовность-бездуховность»....	26
1.2 Специфика репрезентации БЕЗ (БЕС)-префиксальных языковых конструкций в русской лингвистической традиции: целостный обзор	32
Глава 2 Языковые средства выражения «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке»	38
2.1 Специфика функционирования слов и сочетаний с приставкой БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Dухless».....	38
2.2 Языковая концептуализация бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless»	49
Заключение	62
Список используемой литературы и используемых источников.....	67
Приложение А Идеограмма смыслового модуля усилительной характеристики (маргиналия) слов с приставкой БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Dухless»	72
Приложение Б Оппозиционные лексические единицы, составляющие ядро лексико-семантического поля «духовность» – «бездуховность».....	79
Приложение В Внеклассное мероприятие по русскому языку «В чем особенность употребления слов с приставкой без (бес)- в контексте романа С. Минаева «Dухless»?» (9 класс).....	91

Введение

Тема настоящей выпускной бакалаврской работы посвящена проблеме изучения языковых средств реализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» на примере романа С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке». В окружающем нас мире, когда активно развиваются процессы реализации искусственного интеллекта, человек XXI века существует в непрерывной амбивалентной борьбе: положительных и отрицательных поступков, духовного пробуждения и забвения, гармонического развития и распада, целостности и раздвоения собственного «я», соблюдения морально-нравственных норм и разрушения общечеловеческих идеалов. Это непосредственным образом находит свое выражение в языке через определенные средства языковой реализации.

Категория бинарной оппозиции в русской лингвистической науке получила расцвет в XX веке, однако остается актуальной и на сегодняшний день, известны труды: В.П. Руднева «Бинарная оппозиция»; В.А. Сысоева «Бинарная оппозиция в языке и речи»; А.А. Грицанова, М.А. Можейко «Бинарная оппозиция». Опубликованы статьи, посвященные разновидности функционирования понятия бинарная оппозиция: К.В. Гудкова «К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях», Т.В. Григорьева «Метафорическая оппозиция чистый-грязный как способ языковой интерпретации действительности», С.И. Гресь «К вопросу о дихотомии "духовность-бездуховность"». Известна классификация разновидностей понятия бинарной оппозиции: дихотомическое деление, двоичный код, двоичная оппозиция, биполярность, бинаризм, бинарность. Новым явлением в истории русской лингвистики XXI века оказалось введение К.В. Гудковой в бинарную оппозицию понятия «оппозитивность», «оппозиты». Также В.А. Сысоевым обнаружилась необходимость образования новой дисциплины – «дихотомической лингвистики (дихотолингвистики)».

Ученые акцентируют внимание на разновидностях примеров функционирования бинарной оппозиции. Е.В. Safonova в статье «The opposition of the concepts «Good» and «Evil» in eastern and western folklore» (2007) рассуждает о концептуальной значимости оппозиционных лексем «Good» and «Evil» в раскрытии доминантной составляющей этносов культур Запада и Востока [Safonova 2007], А.Р. Хайрутдинова в диссертации «Бинарная оппозиция как способ концептуализации художественной картины мира А.А. Кима (на материале произведений «Онлирия», «Близнец», «Посёлок кентавров»)» (2012) анализирует основополагающие языковые оппозиции на основе двойничества, в результате которых наблюдается образование оппозиций диад и триад [Хайрутдинова 2012], Т.В. Григорьева в работе «Метафорическая оппозиция чистый-грязный как способ языковой интерпретации действительности» (2014) иллюстрирует употребление противоположных метафорических понятий диад «чистый» – «грязный» в различных сферах жизнедеятельности человека, которые образуют в языке бинарную оппозицию [Григорьева 2014], А.Э. Рахимова в статье «Лингвистические особенности реализации бинарной оппозиции «Freude» (радость) / «Trauer» (печаль) в современном немецком художественном дискурсе» (2015) указывает на оппозитивные парадигматические отношения инвариантных лексических единиц одного языкового уровня, реализующихся в немецком языковом дискурсе словообразовательными и синонимическими рядами [Рахимова 2015], А.Е. Raximova на основе контекстуальных лексем немецкого и английского языков предлагает выделение в «binary opposition» эквивалентных и оппозиционных типов отношений, позволяющих выстроить ряды бинарных синонимических цепочек [Raximova 2018], Е.М. Semenova сосредотачивает внимание на трансформации через binary opposition «metaphorical image» в «metaphorical opposition» [Semenova 2018].

Как исследователями раскрывается характеристика оппозиции «духовность-бездуховность»? Р.Л. Лившиц в монографии «Духовность и бездуховность личности» (1997) рассматривает «духовность» в неразрывной

связи с «бездуховностью» как его основным антиподом, которые проявляются в мироотношении индивида к окружающей действительности [Лившиц 1997], Т.Н. Долотова сосредотачивает внимание на ценностной гиперсеме «духовность-бездуховность», которая составляет бинарную оппозицию, характеризуя деонтологические и онтологические черты художественного мира [Долотова 2003], Т.Д. Стерледева выявляет необходимый компонент оппозиционной категории «духовность-бездуховность», раскрывающейся в инвариантных лексемах «совесть-наглость» [Стерледева 2013], В.В. Байлук в статье «Духовность, бездуховность и самореализация личности» (2015) разграничивает сущностную значимость оппозиционных понятий «духовность-бездуховность» на положительно-отрицательные, вводя классификацию их видов, характеризующихся на основе двух уровней: концептуально (осмысленно) духовный и уровень бытийного сознания [Байлук 2015], С.И. Гресь раскрывает сущностную характеристику оппозиционных понятий «духовность-бездуховность» на основании принципа дихотомичности [Гресь 2016], А.А. Феклисова в статье «Проблема бездуховности в современном мире» (2018) осмысливает характеристику оппозиции «духовность-бездуховность» в общекультурном ключе прогресса социума [Феклисова 2018].

Как учеными отмечается специфика выражения бинарной оппозиции в БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических конструкциях? Е.Ю. Шарихин рассматривает оппозицию слов с приставкой без (бес)- в семантике окказиональных наречий, в корреляции переносного употребления [Шарихин 2015], О.Д. Сурикова в диссертации «Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре: семантико-мотивационный и этнолингвистические аспекты» (2016) иллюстрирует оппозицию без (бес)-приставочных лексем в неодинаковой степени их идиоматичности, в классификации производящих доминантных сфер, в дифференциальном мотивационном плане, в воздействии морфо-

семантического поля и в нетривиальной семантике слов с приставкой без (бес)- [Сурикова 2016].

В настоящей бакалаврской работе, анализируя роман С. Минаева «Duxless: Повесть о ненастоящем человеке» с учетом достижений истории русской лингвистической науки и интерпретации явления бинарной оппозиции, мы обращаемся к рассмотрению деэтимологизации БЕЗ (БЕС)-приставочных лексем, энантиосемии усилительной характеристики (маргиналия) слов с префиксом БЕЗ (БЕС)-, контраста и дифференциации ключевых понятий концептуального лексико-семантического поля «духовность-бездуховность» на основе лингвистической категории бинарной оппозиции. Эта проблема с позиций современной лингвистической науки представляется неизученной, так как языковые средства реализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» до сегодняшнего дня не были во внимании ученых-языковедов. Известны мнения исследователей, отмечавших, что бинарная оппозиция «духовность-бездуховность» является философско-психологическим аспектом личностной составляющей [Лившиц 1997], ценностным компонентом художественной системы [Долотова 2003], культурно-историческим процессом в развитии общества [Стерледева 2013], этическим аспектом общечеловеческих традиций [Гресь 2016], религиозным фундаментом в становлении личности [Романов 2017], общекультурной компетенцией развития-падения общества [Феклисова 2018]. Вопрос о возможности языкового анализа дифференциальных средств концептуализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» на примере специфики интерпретации БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических конструкций и ключевых семантически инвариантных, полярных, антонимических понятий и будет рассмотрен в бакалаврской работе. Такой подход составил **актуальность** нашего исследования.

Объектом настоящего исследования является язык романа С. Минаева «Duxless: Повесть о ненастоящем человеке» (2006).

Предметом бакалаврской работы выступили языковые средства оппозиции лексем «духовность-бездуховность», позволяющие писателю раскрыть внутренний мир безымянного героя, его мироощущение и миропонимание окружающей действительности, определение им жизненных приоритетов и морально-нравственных традиций.

Цель бакалаврской работы состоит в том, чтобы выявить особенности употребления языковых средств выражения лексико-семантического ядра бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке».

Для реализации поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- 1) определить понятия «бинарный», «оппозиция», «бинарная оппозиция», «оппозитивность», «дихотомичность», «дихотомическое деление», «двоичный код», «двоичная оппозиция», «биполяльность», «бинаризм», «бинарность», раскрыв их черты и наметив классификацию языковых уровней, видов и разновидностей понятия бинарной оппозиции;
- 2) рассмотреть исследования, посвященные функционированию примеров бинарной оппозиции в тексте;
- 3) раскрыть особенности различных мировоззренческих характеристик оппозиции «духовность-бездуховность»;
- 4) охарактеризовать существенные способы репрезентации БЕЗ (БЕС)-префиксальных языковых единиц в русской лингвистической традиции;
- 5) выявить и проанализировать специфику функционирования БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических единиц в романе С. Минаева «Dухless», разработав классификацию семантико-мотивационного модуля слов и сочетаний с приставкой БЕЗ (БЕС)-;
- 6) исследовать и проанализировать языковую концептуализацию бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless», разработав классификацию бинарной оппозиции ключевых

лексических единиц, составляющих ядро лексико-семантического поля «духовность-бездуховность».

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы исследования**: общетеоретические методы наблюдения, анализа и синтеза позволили собрать и систематизировать материал, посвященный изучению категории бинарной оппозиции; метод сплошной выборки примеров из романа С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке» дал возможность получить лингвистический и литературоведческий материал для решения задач описания языковых средств реализации лексем «духовность-бездуховность», которыми пользовался писатель для создания портрета амбивалентного героя, антиномизма в языковом сознании безымянного топ-менеджера, колебания в духовно-нравственных ориентирах; метод описания, классификации и семантического анализа позволили выполнить первичную характеристику, распределив отобранные примеры на лексико-семантические группы и семантико-мотивационные модули по ряду параметров; метод филологического анализа текста помог определить взаимосвязь и взаимопротивоположность языковых средств, способов воплощения контраста в языковой картине мира героя потерянного поколения и идейного замысла писателя.

Материалом исследования послужили примеры лексических единиц и конструкций, выражающих языковые средства бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке» (2006). В результате анализа БЕЗ (БЕС)-приставочных языковых конструкций и оппозиций лексических единиц романа были выявлены 134 примера языковых средств выражения оппозиций слов и сочетаний с префиксом БЕЗ (БЕС)-: БЕЗ-префиксальных лексем – 87, а БЕС-префиксальных – 47, а также 206 примеров выражения языковых средств бинарной оппозиции «духовность-бездуховность»: 106 лексических единиц, образующих смысловое поле «духовность» и 100 лексических единиц, образующих смысловое поле «бездуховность».

Новизна исследования и теоретическая значимость бакалаврской работы заключаются в том, что автору удалось проанализировать роль языковых средств реализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке», выявить специфику концептуализации ценностной гиперсемы; типологизировать примеры лексических единиц и конструкций бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» по ряду параметров, охарактеризовать функциональное преимущество каждой оппозиции.

Практическая значимость выпускной бакалаврской работы состоит в том, что результаты сделанных наблюдений дают возможность применить полученные материалы на уроках русского языка и литературы в 9-11 классах, также при осуществлении филологического анализа текста в вузе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Языковые средства и методы выражения «бинарной оппозиции» в тексте, описанные в лингвистических работах русских и зарубежных исследователей XXI века нашли отражение в романе С. Минаева «Dухless: Повесть о ненастоящем человеке».

2. Обращение к категории бинарной оппозиции позволяет раскрыть противоречивость двойственной натуры главного героя, показать особенности его мироощущения как языковой личности.

3. В романе С. Минаева «Dухless» основу смыслообразующего значения речестилевой системы составляют БЕЗ (БЕС)-префиксальные лексемы и бинарные оппозиции семантических субстанций концептуальной лексической единицы «духовность-бездуховность».

4. Слова и сочетания с приставкой БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Dухless» можно объединить типологически путем классификации и распределения по семантико-мотивационным модулям.

5. Роль языковой концептуализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» довольно подробно можно выявить, исследуя различные языковые средства: употребление антонимии, индивидуально-

авторских контекстуальных антонимов, метафорической оппозиции, семантической оппозиции фразеологизмов, оппозиции перифраз, противоположных индивидуально-авторских синонимов; диад и триад.

Апробация научной работы. Результаты бакалаврской работы были представлены в МБОУ г.о. Тольятти «Школа № 59» имени Г.К. Жукова на внеклассном мероприятии по русскому языку в 9 «А» классе.

Результаты проведенного исследования были представлены и обсуждены на конференциях:

- 1) научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 3 апреля 2019 г.);
- 2) всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (г. Тольятти, 5 декабря 2019 г.);
- 3) научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 6 апреля 2020 г.).

Результаты выпускной квалификационной работы отражены в публикациях:

- 1) Поиски «настоящего человека» в произведениях Б. Полевого и С. Минаева в сборнике студенческих работ научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 2019 г.);
- 2) Интертекстуальный спор о «настоящем человеке» в произведениях Б. Полевого, В. Пелевина, С. Минаева, О. Славниковой в электронном сборнике студенческих работ Всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции «Молодежь. Наука. Общество» (г. Тольятти, 2019 г. Сборник в печати);
- 3) Специфика функционирования слов с приставками БЕЗ-, БЕС- в романе С. Минаева «Duxless» в сборнике студенческих работ научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 2020 г. Сборник в печати);

4) Мотив бездуховности в романе С. Минаева «Dухless»: семантика приставок *БЕЗ-*, *БЕС-* в научном журнале Поволжского православного института имени Святителя Алексия Московского «Поволжский вестник науки» № 1 (15) (РИНЦ) (г. Тольятти, 2020 г.).

Также результаты выпускной квалификационной работы отражены в ряде иных публикаций, где внимание было уделено описанию языковых средств создания портретной характеристики, анализу эффекта «удвоения-добавления» в языковом мировосприятии личностью рекламных текстов.

1) Языковой портрет Вареньки Добросёловой в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» в сборнике студенческих работ научно-практической конференции «Студенческие Дни науки в ТГУ» (г. Тольятти, 2018 г.);

2) Эффект удвоения в современном рекламном тексте в сборнике Proceedings of articles the VI International scientific conference, Czech Republic, Karlovy Vary – Russia, Moscow, 2019, december, 24-25 «Science, Technology and Life – 2019» (г. Москва, 2019 г.).

Структура бакалаврской работы подчинена логике исследования и состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, который насчитывает 44 источника.

Объем бакалаврской работы составил 71 страницу.

Глава 1 Бинарная оппозиция «духовность-бездуховность» в русском языке

1.1 Бинарная оппозиция как лингвистическая категория

1.1.1 Понятие бинарной оппозиции в лингвистике и ее характеристика

Понятие бинарной оппозиции получило расцвет в русской лингвистической науке в первой половине XX века. Изучение данной категории представляет собой глубоко познавательный объект языкознания, который позволяет погрузиться в исследование тайн языка, интерпретации определенных лексических единиц, а также помогает выявить компонентный состав лексического значения слов, постичь художественную картину мира и своеобразие авторского стиля. Каким уровням языка уделяют внимание ученые, характеризуя понятие бинарной оппозиции?

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой понятие «бинарность» определяется прилагательным «бинарный – это составленный и имеющий составляющие из двух частей; основанный на двучленности как неотъемлемо констатирующем свойстве анализируемого лингвистического объекта». Автор словаря отмечает принцип описания языковых систем, именуемый как бинарный (дихотомический) принцип, основывающийся на гипотезе о сведении фонологической и морфологической систем любого языка к ограниченному количеству бинарных оппозиций. Термин «оппозиция» кратко интерпретируется как противопоставление [Ахманова 1969: 67-289].

Более конкретным представляется с точки зрения раскрытия категории бинарной оппозиции словарь-справочник Д.Э. Розенталя, в котором под понятием «бинарный» (от латинского *binarius* – имеющий две составляющие части) понимается принцип характеристики явлений языка, основывающийся

на факте способности их противопоставления по два, именуемой как «бинарное противопоставление». Обоснованием для этого служат следующие примеры языкового уровня: фонетический (*лабиализация-нелабиализация гласных звуков, мягкость-твёрдость согласных звуков*); морфемный (*производность-непроизводность основы слова*); морфологический (*изменяемость-неизменяемость частей речи*); лексический (*переходность-непереходность глаголов*); синтаксический (*союзная-бессоюзная связь предикативных элементов сложного предложения*). Под «оппозицией» (от латинского *oppositio*) понимается противоположение, противопоставление, выявляющее дифференциацию между двумя или несколькими однородными языковыми единицами [Розенталь 1985: 28-160].

Весьма интересным в функционировании бинарных оппозиций на фонологическом уровне представляется труд В.П. Руднева «Словарь культуры XX века», в котором «бинарная оппозиция» осмысливается, как универсальное средство постижения и освоения окружающего мира. Благодаря фонологическим исследованиям системы языка, сформулированным на дифференциальных признаках, являющихся по сути своей бинарными оппозициями, была понята необходимость и универсальность изучения этого явления. Примерами этому служит диапазон в стихотворном ритме, состоящий в бинарном чередовании минимальных языковых единиц (*сильный-слабый слог*), а также *твёрдость-мягкость, звонкость-глухость*. Автор словаря отмечает, что вследствие внесенного Н. С. Трубецким вклада в создание фонологической методологии, широкого распространения в использовании во всех сферах гуманитарных наук получила система бинарных дифференциальных признаков [Руднев 1999: 38].

В лингвистическом словаре 2010 г. Т.В. Жеребило «оппозиция» определяется, как метод изучения языковых единиц фонетики. В частности, Т.В. Жеребило выделяет следующие группы фонологических оппозиций: 1)

коррелятивные – отличие фонем друг от друга только фонологическим признаком, например, *различие по звонкости «к-г»*; 2) некоррелятивные – отличие двумя и более фонологическими признаками «п-з»; 3) противопоставление языковых единиц в минимальной паре (*имени и глагола, глухого и звонкого звука*). Автором фиксируется созданная лингвистами логическая классификация из трех видов оппозиций: градуальные, приватные и эквиполентные (равнозначные) оппозиции [Жеребило 2010: 236-237].

В.П. Руднев отметил на лексическом уровне универсальный характер бинарных оппозиций при описании той или иной современной картины окружающего мира, маркированной как положительно, так и отрицательно отразился в форме «антонимии», например, *хорошее-дурное, жизнь-смерть, здесь-там, знание-неведение*. Особое внимание уделяется многоаспектному процессу употребления бинарных оппозиций в: биологическом ритме смен дня и ночи, весны и осени; культурологическом ритме концепта материалистической и идеалистической культур [Руднев 1999: 39].

Т.В. Матвеева фиксирует на лексическом ярусе сочетаемость термина «оппозиция» с другими понятиями. Так, лингвист отмечает и характеризует целую классификацию оппозиций: «оппозиция включения (привативная) – дублирование одной лексической единицы как ее части в иной»; «оппозиция эквивалентности (тождества) – абсолютное совпадение слов при противопоставлении»; «оппозиция эквиполентная (пересечения) – лексическим единицам свойственны части индивидуальные, общие и специфические». По отношению к слову, обладающему двуединством формы и значения, разграничиваются оппозиции: семантическая (противопоставление относительно значению); формальная (противопоставление по форме) и формально-семантическая (противопоставление по форме и значению) [Матвеева 2010: 268-269].

Разграничивает на лексическом уровне понятие «бинарной оппозиции» от «антонимии» К.В. Гудкова, вводя для его целостной характеристики в

статье «К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях» новый термин «оппозитивность». Под понятием «бинарная оппозиция» констатируются пары противопоставленных лексем, а под компонентами «оппозиции» – оппози́ты. «Оппозиция» понимается как противопоставленное семантическое отношение, которое соединяет компоненты бинарной оппозиции. Оппози́ты оказываются способны образовывать бинарную оппозицию лексем и включаться в противопоставленные семантические отношения. Синонимом для слова «противоположный» выступает понятие «оппозитивный», на основе которого вводится термин «оппозитивность (oppositeness)» с целью дифференциации противоположности лингвистической (семантической) его сущности от определения в других областях знания.

Автор статьи, ссылаясь на Н. Трубецкого, утверждает, что «оппозиция (противоположение)» предполагает качества не только различающие между собой компоненты оппозиции, но и качества объединяющие компоненты оппозиций. Обозначая в бинарной оппозиции доминирующим два элемента, К.В. Гудкова выводит на основе ее структуры формулу (Б1-Б2). Воспользовавшись формулой В. Вилюмана (структурно репрезентирующие антонимы и синонимы) C1 (единый компонент) – C1C2 (различный), подчеркивается важность двух компонентов для лексической составляющей элементов бинарной оппозиции. Делается вывод о том, что понятие бинарной оппозиции оказывается шире антонимии. В бинарной оппозиции присутствует специфический семантический элемент, посредством которого противопоставляются организующие его компоненты [Гудкова 2012: 69-70].

В.А. Сысоев, основываясь на значительном ряде лингвистических наблюдений, в статье «Бинарные оппозиции в языке и речи» утверждает о выражении посредством бинарных оппозиций «дихотомичности»¹ в когнитивно-коммуникативных и языковых системах. Исследователь,

¹ Сопоставление и одновременное противопоставление двух частей целостной коммуникативной системы или языковой подсистемы в целях ее гармоничного функционирования [Сысоев 2010: 268].

опираясь на разные уровни языка, интерпретирует использование в них бинарных оппозиций. Так, на уровне грамматическом «дихотомичность» обнаруживается в бинарных оппозициях целого ряда синтаксических и морфологических противопоставлениях, например, *употребление наряду с положительными основами и корнями аффиксов с отрицательным значением*. В частности, обнаруживается проявление бинарных оппозиций при применении дейктических компонентов; при передаче разнообразных видов модальности; при противопоставлении главных и второстепенных частей речи, грамматических категорий.

На уровне лингвокогнитивном бинарные оппозиции фиксируются вследствие противопоставления лексического состава языка и ментального лексикона (проявляется в дихотомической оппозиции «слово-концепт»), вербального языка человеческого общения и по определению Р. Шенка языка концептуальных зависимостей. Весьма многочисленным является использование на текстовом уровне следующих бинарных оппозиций: *текст-дискурс, автор-читатель, моносемия-полисемия, когезия (сцепленность)-когерентность (связанность)*.

Автор работы, осознав важность, проведенных исследований во всех областях разрозненных лингвистических наук XX-XXI вв., приходит к заключению о необходимости их объединения, что проявляется в бинарной оппозиции путем категории дихотомичности в языке и речи, именовав тем самым новую дисциплину «дихотомической лингвистикой или дихотолингвистикой». Первостепенной основой в изучении которой выступают структурно-функциональные отличия бинарных оппозиций, представляющих в языке и речи онтологический принцип дихотомичности, а целью станет разработка широкого спектра методологических концепций, приемов изучения бинарных оппозиций и включенных в их состав медиаторов (как одного из элементов антропоцентрической лингвистики современной эпохи) [Сысоев 2010: Электронный ресурс].

А.Р. Хайрутдинова в диссертационной работе акцентирует внимание при рассмотрении категории бинарной оппозиции (как центральной) на следующие разновидности этого понятия: «дихотомическое деление – расчленение понятия на два соподчиненных класса, имеющих пару логически противоположных качеств, представленного в виде схемы "Д или не Д"»; «двоичный код – компонент обозначений, состоящий из двух элементов, дифференциальные комбинации которых репрезентируют заложенную в них информацию»; «двоичная оппозиция – семантизация и идеологизация противоречащих качеств, выражающих в результате фундаментальные оппозиционные типы»; «биполярность – отнесенность двух частей к одному полюсу, в которых полярно противоположные свойства чередуются (радость-депрессия)»; «бинаризм – дуальная (несводимость двух начал) концепция семантико-структурных оппозиций, заключающаяся в разделении на две составляющие»; «бинарность – компонент состоящий из двойных элементов» [Хайрутдинова 2012: 7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что установившееся во второй половине XX века понятие бинарной оппозиции как универсального средства характеристики явлений языка, противопоставляющихся по два, с течением времени трансформировалось, приобретая различные лингвистические трактовки на фонетическом, морфемном, лексическом, грамматическом, текстовом и лингвокогнитивном уровнях языка. Определив сущность понятия и характеристики бинарных оппозиций на многоаспектном ряде лингвистических исследований, мы обнаружили широкое употребление данного понятия в различных сферах общественной деятельности. Бинарная оппозиция оказалась рассмотрена с точки зрения дихотомического принципа, репрезентирующего и функционирующего как ее прямой синоним.

На основе проведенного лингвистами исследования концепта бинарной оппозиции возникла необходимость создания новой самостоятельной дисциплины – «дихотомической лингвистики», «дихотолингвистики».

Сопоставленные исследователями компоненты бинарной оппозиции позволили констатировать, что понятие бинарной оппозиции нетождественно антонимии, так как намного шире ее. Было выявлено, что благодаря принципу бинарной оппозиции оказывается возможным осуществлять анализ не только языка, но и художественной речи, что позволяет выявить на языковом уровне авторскую концепцию мира.

1.1.2 Примеры функционирования бинарных оппозиций в тексте

Важно рассмотреть примеры функционирования бинарных оппозиций в тексте. В этом отношении интересны не только фундаментальные отечественные труды, но и зарубежные источники. Так, Е. V. Safonova и L. A. Kuryleva, используя метод сравнительного анализа, рассматривают концептуальную оппозицию лексем «Good»² and «Evil»³ в комплексном понятии фольклора Запада и Востока. Авторы статьи отмечают, что данные этические понятия, составляя сущность любой сказки, раскрывают оппозицией образы, на основе которых строится «contraposition» (противопоставление). Примером осознания оппозиции «Good» and «Evil» выступает the image of a dragon (образ дракона). В западной мифологии выстраивается ряд эпитетов лексики «Evil», передающей страх, ужас, жестокость, подлость: «*dread*», «*roaring*», «*raging*». Однако в восточной мифологии (китайской) the image of a dragon (образ дракона) является символом «*goodness (добра)*», который воплощает в себе честность, созидание, веру, что подчеркнуто эпитетами: «*creating*», «*forgiving*», «*supporting*». Авторы статьи через «the image of a dragon in the opposition of the concepts» (образ дракона в концептуальной оппозиции) выявили, что в культуре китайского народа дракон является символом вечного добра, мудрости, а в английском представляет всемогущее зло [Safonova 2007: 26-27].

А. Р. Хайрутдинова в диссертации, основываясь на ряде произведений А. Кима («Онлирия», «Близнец», «Посёлок кентавров»), выделяет на языковом уровне как основополагающей бинарную оппозицию по признаку «белое (свет) – черное (пустота)», которая расширяется посредством лексических единиц, образующих антонимические пары, к примеру, *любовь-ненависть*, *смерть-бессмертие*, *Бог-Князь*, *хаос-космос*. Наблюдается

² that which is morally right; righteousness [Stevenson 2010: 416].

³ profoundly immoral and wicked [Stevenson 2010: 212].

образование из некоторых оппозиций триад (*жизнь-смерть-бессмертие, любовь-ненависть-вражда*), что позволило выявить смыслообразующие бинарные оппозиции во всем творчестве А. Кима, находящиеся в корреляции между «*любовью и ненавистью*», «*жизнью и смертью*». Глубокий анализ проводится на лексико-семантическом уровне, где выявляется своеобразие функционирования как бинарной оппозиции тождества и противоположности лексем «*любовь-ненависть*», включающих несколько этапов.

На первом этапе А.Р. Хайрутдиновой выявляются содержания лексем в словарных дефинициях (любовь – внутреннее чувство привязанности, теплоты и так далее; ненависть – чувство высшей степени вражды, презрения и так далее). Устанавливаются субъекты «любви-ненависти», которыми являются люди, животные, жизнь и объекты, репрезентирующие в оппозиции «абстрактное (*неживое – голос, искусство, слова*) – конкретное (*живое – Бог, люди*)». Доминирующие качества и признаки лексем «любовь-ненависть», иллюстрируются сочетаемостью с именами прилагательными, которые имеют среди вторых: 1) положительные коннотации (*истинная, всеобъемлющая* в «Онлирии»; *страстная, исключительная*, в «Посёлке кентавров»; *чистая, трепетная* в «Близнеце»); 2) отрицательно-оценочные (*низкая, невзаимная, подлая* в «Онлирии»; *неискоренная, ядовитая* в «Посёлке кентавров»; *плотская, яростная* в «Близнеце»). На основе выделенных определений возникают основные оппозиции для лексем любовь (*чистая-порочная, всеильная-слабая*) и ненависть (*тайная-явная, взаимная-односторонняя*).

Также оппозиция лексем «любовь-ненависть» показана сочетаемостью с глагольными конструкциями, в которых отмечаются такие доминантные качества и свойства оппозиции, которые репрезентируются в функции субъекта действия (глаголы бытия-небытия – «*существовала*», «*отсутствует*», «*оказалась*»; перемещения – «*привела*»; эмоционального и физиологического состояния – «*переживала*», «*зверела*», «*искажена*»,

«заражена»; духовного очищения – «опустошила», «отпустила»). Внутри лексемы «любовь» выявляется бинарная оппозиция созидającego (счастье) и разрушающего (опустошение) начала.

На уровне парадигматическом оппозиция лексем «любовь-ненависть» описывается в словесном представлении человеческого сознания категорией «семантической дублетности»⁴. На этой основе исследователь выделяет в лексеме «любовь» следующие контекстуальные синонимы: *смерть, страсть, сила демиурга, боль души, бессмертие*. А лексема «ненависть» номинируется синонимами: *злоба, презрение, вражда, неприязнь*. А.Р. Хайрутдинова доказала, что лексемы «любовь-ненависть» являются бинарными оппозициями, так как их корреляция объясняется посредством репрезентации исследованных лексем на различных уровнях языка [Хайрутдинова 2012: 8-13].

Намечает важность наличия общего и дифференциального семантического компонентов в бинарной оппозиции К.В. Гудкова. Примером для этого служат образующие бинарную оппозицию лексические единицы «*stool and table*»⁵, которые имеют единый семантический компонент, относящий их к предмету мебели. В предложении «He was *staring* at me but possibly not *seeing* me» общий семантический компонент описан глаголами, сопровождающими процесс использования глаз с целью получения визуальной информации. Глагол «*to stare*» описывает действие, осуществляющееся по воле субъекта, а глагол «*to see*» передает неспособность его контролировать. Так, образуются бинарные оппозиции: «*слушал-не слышал, смотрел-не видел*» [Гудкова 2012: 69-70].

Исследует в статье вопросы художественного сопоставительного языкознания А.Э. Рахимова путем осуществления в немецком дискурсе

⁴ (абсолютный синоним), то есть синоним, имеющий одинаковый компонентный состав, который совпадает по дефинирующему, эмоциональному и ассоциативному значениям [Хайрутдинова 2012: 11].

⁵ «Stool» – a seat without a back or arms, typically resting on three or four legs or on a single pedestal [McKean 2006: 894]. «Table» – a piece of furniture with a flat top and one or more legs, providing a level surface on which objects may be placed, and that can be used for such purposes as eating, writing and working [McKean 2006: 924].

бинарной оппозиции «Freude» (радость) – «Trauer» (печаль). Изучив в немецких словарях толкования оппозиционных экспрессивно-оценочных сем, ученый дает целостное их определение: «freude – счастливое настроение, настрой счастливого душевного состояния»; «trauer – душевная боль вследствие несчастья или потери ближнего, траурная форма, законное время траура после кончины». В толковых словарях русского языка оппозиционные семы «Радость-Печаль» имеют пересекающиеся трактовки с немецким, однако в большей части передают глубоко эмоциональное чувство, нежели языковую экономность. Так, «радость – чувство всеобъемлющего душевного удовлетворения, ласкового внимания»; «печаль – сильная душевная скорбь, глубокая горечь, состояние грусти». Обнаруживается большая частотность употребления лексемы «Trauer» (печаль) в функции взаимосвязи-противопоставления с лексемой «Freude» (радость), что обусловлено по мнению автора работы – противопоставлением этого чувства человеческой природе, которое вечно стремится к благополучию.

Обратившись к парадигматическому уровню, исследователь рассматривает отношения между инвариантами лексем «Freude» – «Trauer», представляющими собой дифференциально функциональные единицы одного языкового уровня. Оппозитивные парадигматические отношения данных лексем реализуются словообразовательными и синонимическими рядами: *trauern* (печальный) – *freudig* (радостный), *traurig* (печалиться) – *sich freuen* (радоваться). На основании проведенного анализа А.Э. Рахимова заключает, что лексемы «Freude» – «Trauer», передающие разнообразные эмоции и переживания, составляя бинарную оппозицию, обладают специфическими и многофункциональными свойствами [Рахимова 2015:75-77].

В более поздней англоязычной статье исследователь развивает вышеизложенную мысль о реализации «binary opposition» в немецком лингвистическом дискурсе на основе лексем «Klugheit» (intellect) and

«Dummheit» (stupidity), материалом для которого послужили произведения немецких писателей. Анализируя в лингвистическом мировоззрении данные контекстуальные лексемы на немецком языке и их переводы на английском, А.Е. Рахимова отмечает, что «Klugheit (intellect) – рациональное восприятие окружающей действительности», а «Dummheit (stupidity) – отступление от разумного смысла». Определяя сходство и отличие лексем, автор обращается к толковым словарям немецкого и английского языков. Так, «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» дает следующие толкования: «Klugheit – целесообразное поведение, острый ум, осторожность», а «Dummheit – неразумность действий, отсутствие интеллекта, бессмысленность высказываний». «Longman Dictionary of Contemporary English» дает определения данных оппозиционных лексем на основе другой языковой составляющей: «Intellect – качество присущее очень умному человеку, понимание и освоение информации»; «Stupidity – нехватка разумности и целесообразности, ограниченность умственных дарований, медлительность сознания». Семантика интерпретируемых в словарях бинарных оппозиций имеет общую составляющую, соотносясь с противопоставленными понятиями: «здравый смысл-неразумность», «глупость-мудрость», однако отличие их состоит в экспрессивной выразительности английских слов.

Опираясь на парадигматический уровень, ученый выделяет эквивалентные и оппозиционные типы отношений. Оппозиционный тип отношений в лексемах «Klugheit» (intellect) – «Dummheit» (stupidity) позволяет выстроить ряды бинарных синонимических цепочек: *dumm (nonsense) – weisheit (wisdom)*, *dümmlich (dementia) – vernunft (truth)*. Ключевыми в парадигматическом отношении бинарными оппозициями, функционирующими в виде категориальных морфологических преобразований (замена одной части речи другой) в художественном дискурсе оказались: *dummheit (foolish) – klugheit (intellect)*, *schwachsinn (fool) – klug (intelligent)*, *blödsinn (stupid) – altklug (intelligent)*.

Автор, рассмотрев примеры употребления бинарных оппозиций в художественных текстах немецкого и английского языков, заключает, что лексемы «Klugheit» (intellect) and «Dummheit» (stupidity) выступили бинарными противопоставлениями, проявив сходства (принадлежность к выразительно-оценочной лексике) и отличия (эмоционально-оценочная характеристика, семантика, функционирование) [Raximova 2018: 414-417].

Обнаруживается «metaphorical opposition»⁶ лексем «Uniformity-Diversity» в американской языковой картине Е.М. Semenova. Изучая феномен американской национальной специфики через opposition «Uniformity-Diversity», автор статьи апеллирует к таким «metaphorical images» (метафорическим образам), как: *dressings, fabric of one America, tomato, salad bowl, melting pot and ethnic stew*. Происходит трансформация «metaphorical image» в «metaphorical opposition», что показывает отражение всей культуры в одной единой и разрозненной общности: «*melting pot*» (место «плавления» народа в единое целое вещество) – «*salad bowl*» (смесь множества, сохраняющего свою уникальность). Данная «metaphorical opposition» «*melting pot – salad bowl*» проявляется в словосочетаниях «*mixed vegetable soup*» (государство в котором все народы «*vegetable*» (овощ) являются единством «*soup*» (*суп*)) – «*the salad bowl*» (разные народы «*salad*» (салат) сохраняют культурные особенности мигрирующих народов «*bowl*» (*чаша*)), что показывает сведение разрозненного в единое целое в американском представлении образа мира [Semenova 2018: 43-44].

Мы убедились, что исследования «metaphorical opposition» открывают гносеологические и метафорические особенности текста, способствующие осознанию гармоничности бытия во многообразии элементов. Бинарные оппозиции, описанные в тексте дифференциальными сочетаниями лексем, общими семантическими компонентами, словообразовательными и семантическими рядами образовали ряды бинарных синонимических

⁶ «антонимические метафоры, служащие своеобразными маркерами, при помощи которых человек воспринимает и оценивает окружающую реальность» [Semenova 2018: 43].

цепочек, которые представили целостный образ мира. Таким образом, рассмотрев функционирование бинарных оппозиций в трудах русских и зарубежных исследователей, можно прийти к выводу о том, что анализ оппозиций на разных лингвистических уровнях позволяет раскрыть смыслообразующее значение идиостиля текста, его речестилевой системы, помогает понять мироощущение и миропонимание автора художественного произведения.

1.1.3 Характеристика оппозиции «духовность-бездуховность»

Исследователем Р.Л. Лившицем на основе различных научных наблюдений «духовность» исследуется в неразрывной связи с «бездуховностью» (недуховностью), как его основным антиподом в монографии «Духовность и бездуховность личности». Оппозиционные по отношению к духовности понятия ученый трактует следующим образом: «бездуховность – противоположный знак самой духовности»; «недуховность – лишенный духовности». Оппозиция «духовность-бездуховность», по мнению автора монографии, базируется на различии между людьми, как отдельными личностями с их мировоззренческими установками. Это раскрывается на таких примерах, как: *религиозность-атеизм, оптимистичность-пессимистичность, любовь-ненависть, надежда-отчаяние.*

Опираясь на работы М.С. Кагана, Г.Э. Бурбулиса, В.Г. Федотова, в которых отмечено, что «духовность – характеристика психического акта, качественная черта сознания». Исследователь усматривает недооценку в интерпретации категории духовности как качества исключительно лишь в аспекте психической деятельности. Р.Л. Лившиц считает, что к оппозиционной категории «духовность-бездуховность» нужно подходить с позиции характеристики мироотношения индивида, потому как личность является субъектом действующим и мыслящим. Исходя из этих размышлений оппозиционные отношения данных понятий приобретают иную семантику: «духовность – реализация индивидом внутренней свободы, источник творческого зарождения посредством определения жизненных ориентиров в окружающей действительности», а «бездуховность – субъектная отчужденность индивида от окружающей действительности, противоположная жизненная ориентация». Наиболее подходящим термином для характеристики бездуховности ученый предлагает «самоотчуждение»

под которым понимается трансформация личностью реальности во что-то ему самому враждебное [Лившиц 1997: 20-46].

Т.Н. Долотова, исследуя семантические поля в публицистике В. Шукшина, выделяет в идеолектной художественной системе такую ценностную гиперсему, как «духовность-бездуховность», которая составляет бинарную оппозицию. Актуализируются в осуществлении данной бинарной оппозиции такие оценочные семы, как: *благо-зло, личностное-обезличенное, красота-уродство, быть-казаться, жизнь-смерть, душевность-черствость, великодушные-равнодушные, нравственность-безнравственность*. Автор утверждает, что отмеченные оценочные семы в категории бинарной оппозиции показывают индивидуально-авторский подход в интерпретации сущности явлений бытия, раскрывают внутренний (духовный) мир человека. Кроме данных выше инвариантных сем (разводящих единицы) обнаружались такие положительно-отрицательные семы, как: *настоящее-мнимое, содержательность-бессодержательность, высокие душевные качества-равнодушные ко всему, гармоничность-суетность*. Ученый констатирует, что обнаруженные семы явились концептуально доминантными оппозициями (антиномиями) в творчестве писателя, заключающими в себе специфические деонтологические и аксиологические черты [Долотова 2003: 16-17].

Т.Д. Стерледева в соавторстве с Р.К. Стерледевым анализирует особенность оппозиционной идеи и роли категории «духовность-бездуховность» в развитии российского общества. Специфика ее связывается с изменениями, совершающимися в социально-экономической жизни общества в конце XX века и НТР, породившими как свободу, так и произвол, ломку мировоззрения. Исследователи наблюдают, что состояние мира в XXI веке движется двумя взаимопротивоположными путями: 1) духовный, выражающийся в экономическом, политическом и нравственном прогрессе; 2) бездуховный, представляющийся в регрессе некоторых или всех отношений в мире, потере моральных иллюзий, снижении чувства ответственности. Неотъемлемым компонентом «духовности-бездуховности»

оказывается оппозиция «*совесть-наглость*» (с одной стороны – переживания, героизм, сострадания, а с другой стороны – культ насилия, поп-культуры, вещизм). Авторы статьи считают, что для доминирования и расцвета духовности в социуме необходимы следующие составляющие: идея (руководство) к рациональной активизации действий; четкая духовная ориентация; тенденция справедливости; целостность ума и сердца; сохранение национального менталитета, самобытности [Стерледева 2013:78-80].

Строго разграничивает сущностную значимость оппозиционных единств таких понятий, как «духовность-бездуховность» на положительные и отрицательные ценности профессор В.В. Байлук, вводя довольно иную классификацию их видов. Ученый, исходя из ценностной природы духовного, подчеркивает, что любой его вид включает в себя два уровня: 1) концептуально (осмысленно) духовный соотносится со специализированным сознанием; 2) уровень обыденного сознания, реализующийся в противоположении «душевность-бездушность» (*чуткость-холодность, эмпатия-черствость*). Духовность (духовная нравственность) констатируется как источник души и духа, эффективной самореализации индивида, воплощающаяся в категориях альтруизма, безвозмездия, совести. Бездуховность же выступает в самореализации источником деструктивным. «Всецело духовное» осмысливается исследователем в ценностном аспекте как смысложизненная основа сознания индивида, контролирующего взаимоотношение личности с собой, с окружающей средой. Исходя из этого духовное делится на положительное (духовное) и отрицательное (бездуховное), функционирующие в оппозиции общечеловеческих ценностей.

Центральными видами, находящимися между собой во взаимосвязи в составе оппозиции «духовное-бездуховное», у автора труда выступают: 1) нравственное (*создание всеобщего блага, согласия в окружающей действительности – создание зла, разрушающего естественный уклад*

жизни); 2) эстетическое (*наслаждение прекрасным, духовно возвышающим – наслаждение безобразным, духовно низким*); 3) познавательное (*тяготение к истине – тяготение к фальсификации*); 4) правовое (*осуществление, соблюдение, уважение своих и чужих прав и обязанностей – игнорирование всех видов правовых норм*). Интегрированная высокая духовность достигается в результате гармонической связи всех видов познавательных ориентаций, а отрыв какого-либо его вида ведет к бездуховности, проявляющейся в ложных удовольствиях, деградации, бегстве от свободы, смерти [Байлук 2015: 9-15].

С.И. Гресь, исследуя совместно со своими студентами значимость оппозиционных понятий «духовность-бездуховность» на основании принципа дихотомичности раскрывает в статье «К вопросу о дихотомии "духовность-бездуховность"» их сущностную характеристику. Понятие «духовность» определяется как образовавшееся от слова «дух» «одухотворенность жизни, дыхание бытия,.. В узком смысле трактуется как “качество психики личности,.., в котором доминируют: способность к безвозмездной и бескорыстной самоотдаче; духовно-нравственная мотивация; учет и ориентация на реализацию общечеловеческих ценностей, идеалов. На основе размышлений авторы выделяют следующие формы духовности: 1) «теоретизм – познание сущностных процессов мира, выявление их объектных закономерностей, однако неспособность постичь в этих событиях субъективно-личностную часть»; 2) «эстетизм – отражение своеобразной жизненной направленности и мировоззрения с эстетической позиции "прекрасное-безобразное"»; 3) «этизм – нравственное соответствие жизни сообразно узловым звеньям»: *хвала-позор, справедливость-несправедливость*. Под «бездуховностью» же понимается лишение личности интеллектуальной и духовной составляющей, включающее в себя: мнимое общение с людьми, формальное отношение к ценностям, окружающей среде. Синонимом «бездуховности» в статье выступает «субъективный идеализм», предполагающий интеллектуально не совершенствующуюся и чуждую ко

всему личность, которая уверена в собственной духовной цельности, идеальности, интеллектуальной развитости.

Дихотомия «духовность-бездуховность» характеризуется оппозиционными установками: *богатый внутренний мир – разобщенный внутренний мир; взаимодействие с людьми и миром – безынтересность по отношению к людям и среде; самосовершенствование – удовлетворение биологических потребностей; бескорыстное жертвование – безвозмездное потребление; созидаящий смысл жизни – разрушение собственного «я»; регулирование жизни – подчинение жизни правилу «здесь и сейчас»; эффективная деятельность – формальная деятельность; открытость человечеству и миру – субъективная изоляция от событий действительности.* В современное время дихотомия «духовность-бездуховность» по наблюдениям исследователей проявляется в: *соблюдении нравственных ценностей – порочности, альтруизме – меркантильности, посещении культурно-досуговых мероприятий – приземленном уровне культуры, активном участии в жизни общества – цинизме.* Источники их возникновения кроются в *стремлении насытиться духовными и нравственными благами – погоне за материальными и общественными благами, сохранении культурного наследия и общечеловеческих ценностей – погружение в бездну всех ценностей.*

Интересным является выстраивание авторами работы триады оппозиций «духовность-бездуховность-псевдодуховность». Под «псевдодуховностью» в статье понимается смыслообразующее положение отсеченности от реальности личными идеалами. Разграничиваются такие формы псевдодуховности, как: 1) «резонерство – убежденность в бесцельности и бессмысленности реальности»; 2) «фетишизм – пути реализации в действительность идеала и ценностей умозрительной красоты»; 3) «демонизм – трещина человеческой натуры, характеризующаяся истинными категориями добра-зла» [Гресь 2016: 20-22].

Д.В. Романов совместно со своими коллегами рассматривает становление личности современного студента через кризис оппозиции «духовность-бездуховность». Так, исследователи выделяют в среде молодежи следующие классификации противоположностей: *доброе сердце-прагматичность, отзывчивость-циничная расчетливость, сочувствие-равнодушие к чужой беде; разделение чужого горя-радость чужому горю*. «Духовность», по мнению авторов, статьи заключается в честном и последовательном труде, доброте, благодарстве окружающим людям. Бездуховность находит свое воплощение в поиске удовольствий, удовлетворении эгоистических грез, ниспровержении и высмеивании традиций. Погружение современного поколения в бездуховность приводит к потере моральных ориентиров, прокладывая дорогу к ослаблению самосознания, революциям и конфликтам [Романов 2017: 46-49].

В статье «Проблема бездуховности в современном мире» особое внимание уделяется характеристике оппозиции «духовность-бездуховность» с точки зрения общекультурной компетенции развития-падения общества. В последнем феномене находит свое воплощение бездуховность: низвержение идеальных норм, приводит к идеологическим войнам, внутренним потрясениям и противоборствам. Духовность исследователями видится в исключительной форме отражения объективной действительности, гордости и достоинстве, наполняющей бытие смыслом и увлеченностью нематериальными ценностями. Проблема бездуховности («без духа»), рассеянной повсюду, преобладает над духовностью, заставляя плыть по течению, забывая о высоких жизненных стремлениях, самоуважении, сентиментальности, созидании. Необходимость духовности в настоящее время диктуется условиями надежного жизнеобеспечения человечества, развития идеального внутреннего мира, самосовершенствования, воплощения высших идеалов, выбора жизненных позиций [Феклисова 2018: 139-142].

Таким образом, рассмотрев различные исследовательские работы, можно заключить, что обнаруживаются попытки авторов сформулировать целостную концепцию, лежащую в основе оппозиции «духовность-бездуховность». Особенности отмеченных в бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» понятий выступили смысловым ядром, позволяющим понять специфику языковой объективизации автором действительности с позиций деонтологии и аксиологии.

1.2 Специфика репрезентации БЕЗ (БЕС)-префиксальных языковых единиц в русской лингвистической традиции: целостный обзор

На уровне морфемном префиксы также помогают выразить оппозицию, которая возникла в авторском сознании и особенно мы это видим в творческом осмыслении, каламбуре (игре слов), окказионализмах.

Появление слов с префиксом без (бес)- уходят корнями в прошлое. Наиболее интересным представляется в связи с этим мнение Е.Ю. Шарихина, который рассматривает в статье словообразование, семантику окказиональных и единичных наречий, образованных посредством прилагательных с префиксом без- (префикс без + существительное + о) в таких словах, как: *безобманно*, *безотголосно*, *беззвучно*, *безъютно*. Исследуя семантический и словообразовательные процессы наречия *безотголосно*, автор отмечает его отсутствие в словарях русского литературного языка и диалектных. Устанавливается первоначальная словоформа данного наречия, которым является прилагательное *безотголосный*, возникшее от предложно-падежного сочетания *без отголоска* приставочно-суффиксальным способом. Для изучения мотивированности и семантики анализируемого наречия, автор использует существительное *отголосок* вследствие отсутствия в словарях других производных от *безотголосно* слов.

Существительное *отголосок* имеет в своей основе прямое-переносное значение и употребление: а) отражение звука – отклик душевного состояния; б) звук, доносящийся на расстоянии – след существования. Исследователь рассматривает художественные контексты употребления наречия *безотголосно*, позволяющие обнаружить корреляцию переносного употребления существительного *отголосок* (отклик душевного состояния на какое-то действие, явление). Тем самым наречие *безотголосно* приобретает семантику «безответный», а в прилагательном *безответно* со значением «остающийся без ответа, сочувствия».

Ученый подчеркивает, что параллельное использование наречий с префиксом без- и конкретных предложно-падежных сочетаний (к примеру, *безглазно – без глаза*) осуществляется в процессе, увеличивающегося доминирования существительных. Важным для автора статьи высказыванием на данную проблему оказывается рассуждение Н. Чурмаевой, выстраивающей деривационную связь: *судъ, безъ суда → бессудыныи → бессудно*. На основе этого высказывается мысль о том, что исконная форма существительного *безъ суда* функционировала в роли наречия. Это является исключаящимся звеном, так как наречие могло быть прямо соединено с формой существительного, сохранившего лексемную предложно-падежную сочетаемость (*без вины – безъвиньно*). Большую часть всех наречий XVIII века, которую непосредственно вели к прилагательным с приставкой без-, формировали образования от относительных имен прилагательных, например, *беспотомно – без потомков, без потомства* [Шарихин 2015: 838-842].

Осуществляет семантико-мотивационный анализ специфики без-префиксальной лексики в этнолингвистическом аспекте О.Д. Сурикова. Автор диссертационной работы утверждает, что присоединение к словам конкретных корней с приставкой без (бес)-, определяет ценностную значимость слов, называющих объекты и явления. Более глубокое сосредоточение в образовании без (бес)-приставочной лексики отводится на выявление продуктивности некоторых основ. Так, связанные синонимичные (тематические) номинации передают значимость реалии, соединяясь с без (бес)-префиксальной единицей, знаменуют на концептуальную лишенность чего-то существенного (к примеру, в псковских и новгородских говорах «*бездомовный*», а в смоленских «*бесхатный*» имеют значение «отсутствия своего дома»).

Автор работы сделала попытку соединить идеограммы в несколько смысловых модулей, сформировав список ключевых идеограмм, реализующихся посредством слов с префиксом без (бес)-, подчеркнув тем

самым неодинаковую степень их идиоматичности: 1) отрицательные характеристики личности (*безграмотность, бесстыдство, беззаботность, бестолковость*); 2) деривации в родословной (*безотцовщина, бездетность*); 3) неблагоприятные условия существования (*бездомность, бесприютность, безденежье*); природно-климатические условия (*бездорожье, бесплодный*); разумное оценивание (*беспорядок, бесполезный, безмерный*); время и упорядоченность бытия (*беспрерывность, безвременность*). Данные примеры семантически составленных модулей показывают, что в большей части ключевые области производящей для без (бес)-префиксальных словообразований и производного значения находят соответствие. Репрезентация примеров идеограмм позволила исследователю наметить классификацию создания производящих доминантных сфер для без-префиксальных значений. Среди них выделяются следующие две группы: 1) онтологические – фортуна, радость, печаль (в архангельском говоре *бесталáнье* – «несчастье», в псковском *безбедный* – «лишенный нужды»); 2) механизм контроля действий: закон, человечество, совесть (в смоленском говоре *бездворник* – «человек без собственности», *безлюдица* «ленивые люди»).

Величина идиоматичности при образовании без (бес)-приставочных лексем модифицируется в пределах от наименьшей (в пермских и архангельских говорах *бессне́жница* в значении «неимение снега») до наивысшей (процесс деэтимологизации и усиления слова без (бес)-префиксальными языковыми единицами: среди калужского наречия *беспардонный* в значении «бесполезный, дурной» выделяется литературное *пардон*, как «прощение, просьба извинить»), что устанавливается мотивационным «планом» лексем или оказываемым на них воздействием морфо-семантического поля⁷.

⁷ случаи аттракции и контаминации без-префиксальной лексики с родственными или неродственными словами (петерб., яросл. *бесталáнтливый* – «обездоленный, неудачливый // без способностей, бездарный») [Сурикова 2016: 19].

Опираясь на семантическую деривацию, О.Д. Сурикова замечает ее фундаментальность обусловленностью от функционирования таких механизмов, как: а) морфолого-семантический процесс последовательного метафорического и метонимического сдвига (форма «темный-глупый» воплощается в слове бесплодный – «бесполезный», а «солнце-темный» в слове бесплодный – «бесвременный»); б) метонимия (указание на бедность через лишение конкретных элементов одежды: в архангельском говоре беспорточник – «оборванец», *бескафтаный* – «бедный», в мордовском безгунный – «неимущий»); в) номинативная конденсация (происходит на ступени производящих основ, например, в архангельском говоре беспамятный – «запamятовавший человек, плохая память», номинативная конденсация: плохая память → память).

Отмечается особый случай нетривиальной семантики, где префиксы без (бес)- функционируют не в значении отсутствия или лишения чего-либо, а в роли усиления, именуемый понятием маргиналий (в новгородских говорах *безотчаянный* – «действенный, мужественный», *бесшаланый* – «беззаботный, бездумный»). Так, у деэтимологизированных слов и лексем обнаруживается большая степень дифференциальной идиоматичности, внутри которой без (бес)-префиксальные единицы начинают функционировать в роли семантического усиления, лишившись отрицательной коннотации. Сочетания префиксов без (бес)- с иными коннотациями увеличивают идиоматичность чему содействует деэтимологизированность (эмоциональная выраженность) лексем, «инерция» отрицательно-экспрессивного значения и тяготение смысловой негации к формальному выражению.

Также на основе этого метода выделяется случай энантиосемии, когда антонимия лексем выражается варьированием лексико-словообразовательного отношения (в смоленском говоре *безжилый* – «выносливый, слабовольный»). Возможность ее появления повышается за счет внутренней «полисемичности», где слова с приставкой без (бес)- ведут к

расширению полярной семантики. Исходя из этого О.Д. Сурикова выделила в без (бес)-префиксальных лексемах ситуации своеобразного семантико-мотивационного сдвига, разбив их на два типа: 1) эмотивы (в вятском говоре *бессердечный* – «не сердящийся, незлобивый», а в общенародном «черствый, безжалостный»); 2) относительная категория, составляющая время, число и меру (в рязанском говоре *безгóдевый* – «долгожитель» и *безгoдóвый* – «не достигший нужного возраста»).

Пристальное внимание уделяется прояснению специфики функционирования без (бес)-префиксальных конструкций в поэтике разных жанров фольклора. Статистика их использования в фольклорных текстах позволила автору труда выявить следующие выполняемые ими роли: 1) структурообразующая (семантика лишения или нехватки выступает логическим и конструктивным принципом создания высказывания) является характерным для загадок, пословиц, поговорок и так далее; 2) умеренное количество (встречается в меньшей мере в былинах); 3) практическое отсутствие (не употребляется в религиозных народных песнопениях и частушках).

В жанре плача существенной линией употребления без-префиксальных единиц служат концепты: бесприютности (*Бездомовым* дочерям да ласки не приходится); сиротства (Не красны живут сыновья *безотнии*); безнравственности, отступления от принятых норм (Ой, да *безрóдными* остались). Ключевыми в функционировании рекрутской и похоронной причеты оказались слова с префиксом бес- (*бессчастье* и *бессчастный*).

Примечательным оказываются размышления об индивидуальных без (бес)-префиксальных словах и включение их в гнезда на основе этимологии, семантики, мотивации. Например, с точки зрения этимологии *беспелюха* имеет значение «неряшливый, безрассудный, бестолковый», а вариантами выступили слова *беспель*, *беспелюга*. Устанавливается попытка определения происхождения фамилии *Бестужев* (в иркутском говоре *бесстужесть* – «бесстыдный человек»), которое восходит к диалектному *бесстужий* –

«незябкий, бестыжий», образовавшись от приставки (без)- и корня (туг от праславянского тяжкий, тугой). Осуществляется анализ «неоднозначной» семантической лексики *бесчестье*, имеющей в русских говорах значение «выкупа невесты, уплаты», утратив изначальное определение как «штраф в осквернении чести». Исследуются слова-идеологемы *беззаветный* (высокое литературное «мужественный и самоотверженный») и *безбожник* (устаревшее литературное «атеист»), в которых динамика положительной коннотации детерминируется не только лингвистическими факторами, но и ценностями культурными и общественными. Интерпретируются «темные» без (бес)-префиксальные слова и конструкции в устном народном творчестве: *бессердечное дерево* – «не имеющее сердцевины, гнилое», *бессердечный* – «лишенный человечности». Данные наблюдения над функционированием без-префиксальных конструкций позволили О.Д. Суриковой ввести в лингвистику следующую схему: «нет Y без X»⁸ [Сурикова 2016: 12-31].

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в текстах специфическая роль БЕЗ (БЕС)-префиксальных конструкций модифицируется от малозначительной до структурообразующей, в которых источник активности варьируется в связи с корреляцией от прагматической особенности жанра. Определение производящих сфер семантических доминант БЕЗ (БЕС)-префиксальных образований, дало возможность найти их соответствия в лингвистической аксиологии. Механизмы образования у БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексем нетривиальной семантики позволили обнаружить, что отрицательная коннотация слов движется на пути к генерализации.

Рассмотренные исследования репрезентации корпуса БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических единиц позволили определить их формальные, семантические, функциональные особенности на синхронном и диахроническом отрезке русского языка, открыв тем самым русскую

⁸ X – предмет отрицания, Y – объект, лишенный X [Сурикова 2016: 23].

языковую традицию в восприятии окружающей картины, выборе ценностных ориентиров.

Глава 2 Языковые средства выражения «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Duxless: Повесть о ненастоящем человеке»

2.1 Специфика функционирования слов и сочетаний с приставкой БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Duxless»

В первой главе мы проанализировали различные лингвистические концепции, посвященные функционированию, классификации, семантизации и деэтимологизации БЕЗ (БЕС)-приставочных лексических единиц в русской языковой картине мира. Рассмотрение БЕЗ (БЕС)-префиксальных единиц как языкового способа выражения ключевых идеограмм художественного текста является важным потому, что мы исследуем произведение первой половины XXI века, в котором усилены процессы семантико-мотивационного сдвига, корреляции. Это в свою очередь позволяет постичь особенности идиостиля автора, восприятие им окружающей действительности и выбор ценностных ориентиров.

Опираясь на специфику репрезентации БЕЗ (БЕС)-префиксальных языковых конструкций романа С. Минаева «Duxless», мы будем исследовать особенности их функционирования с позиций русской лингвистической традиции. Обратимся к данному произведению писателя, в котором обнаруживается высокая частотность употребления БЕЗ (БЕС)-приставочных лексических конструкций. Мы выявили, что они определяют ценностную значимость слов, именующих внутреннее состояние, показывают отношение говорящего к предмету размышления, позволяют описать поступки, мысли (поток сознания) главного героя.

В основном выявленная из романа С. Минаева семантическая характеристика номинаций таких префиксальных языковых конструкций, как: «бездельники», «безумцы», «бездарные», «бесконечность», «бессрочность», «безжизненно», «бездомность», «безбедный», «безусловно», «безусловный», «бессилие», «беспроводной», «безудержный»,

«беззаботность», «безделье», «бесформенный», «бесперспективность», «бездействие», «безналичные», «бесперебойный», «безлимитный», «бессонный», «безнаказанный», «бессистемный», «безнадежно», «бездуховность», «бесплатный», «безапелляционный», «безопасность», «беспричинный», «бесчестье», «безупречно», «бессонница», «бессмыслица», «бессмысленный», «безуспешно», «бесполезно», «бесцельный», «безмазовый», «бестолково», «беспонтовый», «бессмысленный», «бесполезный», «бесцельно», «бездействие и безволие», «бестолковый», «безумие», «безразличие», «не беспокоят», «безразлично-устало», «беспредел», «бескрайний», «безграничный», «обессиленно», «безмятежно», «бездельничать», «беззаботность», «безысходность», «безумно», «безвкусно», «бесчисленный» лежит в толковых словарях русского языка в искомом для них функционально-семантическом поле.

Так, в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой слово «бездельник(и)» определяется как *“бездельничающий человек, который следует праздному образу жизни,, [Евгеньева 1985: 71].* В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *“бесконечность – это что-то не имеющее конца, очень долгое,, [Ожегова 2006: 44].* Д.Н. Ушаков в современном толковом словаре «бездомность» трактует как *“отсутствие семьи, собственного жилья, приюта,, [Ушаков 2014: 32].* Под словом «безусловно» в словаре Д.В. Дмитриевой понимается *“уверенность в своем ответе,, [Дмитриева 2003: 51].* А.П. Евгеньева понятию «бессилие» дает следующее толкование: *“нехватка физической силы, отсутствие способности к какому-либо действию,, [Евгеньева 1985: 85].* Понятие «безуспешно» С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова истолковывают как *“неудача, не обладание успехом, безрезультатность,, [Ожегова 2006:42].* Д.В. Дмитриева объясняет «безумие» как *“состояние сумасшествия,, [Дмитриева 2003: 50].* «Безразличие» выступает в словаре Д.Н. Ушакова *“состоянием абсолютного равнодушия,, [Ушаков 2014: 33].* С.А. Кузнецов слово «бескрайний» интерпретирует как *“лишенный видимых границ, края, конца,, [Кузнецов*

2000: 73]. Слово «обессиленно» употребляется в словаре А.П. Евгеньевой в значении *“стать бессильным, лишиться сил,,* [Евгеньева 1985: 530]. В толковом словаре В.И. Даля под понятием «беззаботность» понимается *“качество беспечности, легкомысленности,,* [Даль 1903: 156]. «Безысходность» усматривается С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой в значении *“печаль, горе, лишённые конца,,* [Ожегов 2006: 42]. А.П. Евгеньева трактует «безумно» в роли усилительной семы *“очень, чрезвычайно,,* [Евгеньева 1985: 76]. Значение слова «безвкусно» С.А. Кузнецов трактует как *“не соответствующий правилам вкуса, не имеющий красоты, изящества,,* [Кузнецов 2000: 65]. В словаре Д.Н. Ушакова понятие «бесчисленный» несет значение *“не поддающийся счёту, неисчислимый,,* [Ушаков 2014: 37].

На основе выявленных в словарях толкований значений отмеченных слов, мы можем отнести подобные префиксальные лексические конструкции к конкретным семантико-мотивационным модулям:

- 1) «бездельники», «безумцы», «бездарные» – смысловой модуль «отрицательной характеристики личности»;
- 2) «бесконечность», «бессрочность», «безжизненно» – смысловой модуль «времени и упорядоченности бытия»;
- 3) «безбедный», «бездомность» – смысловой модуль «благоприятных/неблагоприятных условий существования»;
- 4) «безусловно», «безусловный» – смысловой модуль «выражения уверенности»;
- 5) «бессилие», «беспроводной», «безудержный», «беззаботность», «безделье», «бесформенный», «бесперспективность», «бездействие», «безналичные», «бесперебойный», «безлимитный», «бессонный», «безнаказанный», «бессистемный», «безнадежно», «бездуховность», «бесплатный», «безапелляционный», «безопасность», «беспричинный», «бесчестье», «безупречно», «бессонница», «бессмыслица», «бессмысленный» – смысловой модуль «семантики отсутствия (лишенности)»;

6) «безуспешно», «бесполезно», «бесцельный», «безмазовый», «бестолково», «беспонтовый», «бессмысленный», «бесполезный», «бесцельно» – смысловой модуль «категории безрезультатности/нецелесообразности»;

7) «бездействие и безволие», «бестолковый», «безумие» – смысловой модуль «негативной оценки»;

8) «безразличие», «не беспокоят», «безразлично-устало» – смысловой модуль «специфики внутреннего состояния»;

9) «беспредел», «бескрайний», «безграничный» – смысловой модуль «категории неопределенности»;

10) «обессиленно», «безмятежно» – смысловой модуль «физического состояния»;

11) «бездельничать», «беззаботность» – смысловой модуль «категории долженствования»;

12) «безысходность», «безумно» – смысловой модуль «чувственного восприятия/ощущения» или «эмоционального состояния»;

13) «безвкусно», «безумно» – смысловой модуль «категории оценочности»;

14) «бесчисленный» – смысловой модуль «количественной неопределенности».

Однако обнаруживаются случаи, когда некоторые из них: «бесперспективняк», «бесперспективность», «безобразие», «бессмертный», «безумный», «безнадежно», «бездуховный», «бесповоротный», «бесподобный», «бездарно», «беспорядочный», «беспредел» выходят за границы, приобретая новые смысловые акценты в художественном тексте. Обратим внимание на таблицу 1, где функционирование этих БЕЗ (БЕС)-языковых конструкций в романе С. Минаева «Dухless» получает иную коннотацию, выступая в роли усилительной характеристики (маргиналий).

Таблица 1 – Идеограмма смыслового модуля усилительной характеристики (маргиналия) слов с приставкой БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Duxless»

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
Усилительная характеристика (маргиналий)	<i>бесперспективняк</i> <i>бесперспективность</i> <i>безобразие</i> <i>бессмертный</i> <i>безумный</i> <i>безнадежно</i> <i>бездуховный</i> <i>бесповоротный</i> <i>бесподобный</i> <i>бездарно</i> <i>беспорядочный</i> <i>беспредел</i>	«Я слушаю весь этот <i>бесперспективняк</i> и, чтобы вконец не окосеть...» [Минаев 2006: 15]. «Я продолжал периодически заныривать в мир маргинальности, чтобы понять – далеко ли я ушел от его <i>бесперспективняка</i>» [Минаев 2006: 151]. «...Осознав <i>бесперспективность</i> своих желаний...» [Минаев 2006: 85]. «И обоим очень неудобно, что я «смог пропустить такое <i>безобразие</i>»...» [Минаев 2006: 42]. «Самое смешное, что смотрящая на это <i>безобразие</i> толпа, обсыпанная всем этим дерьмом, стоит с улыбками...» [Минаев 2006: 121]. «Ну и частенько все заканчивалось как в <i>бессмертном</i> труде...» [Минаев 2006: 46]. «Полный <i>безумных</i> идей...» [Минаев 2006: 58]. «Им платили <i>безумные</i> (особенно в сравнении с их родными странами) зарплаты...» [Минаев 2006: 46]. «Во времена, когда город <i>безнадежно</i> измениться, потеряет свою патриархальность, самобытность...» [Минаев 2006: 89]. «Да и те <i>безнадежно</i> забыты» [Минаев 2006: 123]. «Глядя на <i>бездуховные</i> лица наших московских мумий...» [Минаев 2006: 138]. «...Начнется окончательный и <i>бесповоротный</i> пиздец...» [Минаев 2006: 224]. «Я реально чувствую себя ревизором из Москвы, из <i>бесподобного</i> фильма «Кодекс бесчестья»» [Минаев 2006: 246]. «...Чья жизнь была столь <i>бездарно</i> растрочена» [Минаев 2006: 282]. «...Между кадрами «<i>беспорядочные</i> половые связи»...» [Минаев 2006: 283]. «...Имел <i>беспорядочные</i> половые связи, отвратительно спал...» [Минаев 2006: 284]. «...Нас тут с брателлой по <i>беспределу</i> швырнули» [Минаев 2006: 327].

В словарях русского языка представленные слова функционируют в свойственных им значениях, то есть находятся в определенном семантическом поле. Так, В.С. Елистратов в «Словаре русского арго» понятие *«бесперспективняк»* трактует как *“что-либо не имеющее перспективы; дело, лишенное надежды,,* [Елистратов 2000: 34]. Слово *«бесперспективность»* С.А. Кузнецовым употребляется в значении *“не имения возможности в развитии, лишенности профессионального и духовного прогресса,,* [Кузнецов 2000: 73]. В.И. Даль характеризует *«безобразие»* как *“лишенность должного образа, безвкусие, нехватка красоты, уродливость,,* [Даль 1903: 166]. Понятие *«бессмертный»* несет в словаре Д.В. Дмитриевой семантику *“существования всегда, сохранения в памяти, неспособности умереть,,* [Дмитриева 2003: 57]. *«Безумный»* употребляется Д.Н. Ушаковым в значении *“сумасшедший, наделенный крайней степенью чего-нибудь, безрассудный,,* [Ушаков 2014: 34]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под словом *«безнадежно»* понимается *“лишенность надежд на лучшее, отсутствие надежд, неисправимость,,* [Ожегов 2006: 41]. *«Бездуховный»* интерпретируется С.А. Кузнецовым как *“не имение нравственных ориентиров, духовности,,* [Кузнецов 2000: 66]. Под понятием *«бесповоротный»* В.И. Даль подразумевает *“невозможность повернуть, невозвратимость обратно, безвозвратность,,* а под словом *«бесподобный»* понимает *“несравнимость, отсутствие у других, превосходность,,* [Даль 2006: 143]. *«Бездарно»* выступает в словаре А.П. Евгеньевой в значении *“отсутствия таланта, одаренности,,* [Евгеньева 1985: 70]. С.А. Кузнецовым *«беспорядочный»* определяется как *“не имеющий или не соблюдающий порядка, последовательности,,* а *«беспредел»* интерпретируется как *“неограниченный произвол, возникший путем отсутствия законов, правил,,* [Кузнецов 2000: 74].

Определив лексическое значение слов, мы заметили, что по своей частотности, строению отмеченные БЕЗ (БЕС)-префиксальные конструкции в произведении С. Минаева «Duxless» употребляются не в функции семы

«отсутствия чего-то существенного, отрицания чего-либо, недостатка и неимения чего-нибудь», а в ином смысловом значении, иллюстрирующем дифференциальную степень их идиоматичности. Так, данные языковые конструкции выступили в следующей специфической семантической характеристике: «бесперспективняк» – словесная чушь, вздор человеческой идеи, бремя деятельности; «бесперспективность» – тщетность, абсурдность и никчемность задуманной идеи; «безобразие» – аморальность выполненной работы, порочность человеческого умысла, ужас окружающей действительности; «бессмертный» – великий шедевр незабвенной личности, гениальное творение; «безумный» – грандиозная мысль, приносящая прибыль в задуманном проекте; колоссальный в величине средств; «безнадежно» – надежда на процесс колоссальных изменений, пусть ценою печальных потерь; «бездуховный» – опустошенный, потерявший ценностно значимую составляющую, неспособный проявить истинные чувства; «бесповоротный» – масштабное изменение, не имеющее пути возврата к прежнему состоянию; «бесподобный» – уникальный по своим качествам, превосходящий над другими; «бездарно» – тратящийся впустую, не реализующий собственное «я»; «беспорядочный» – не регулируемая и ничем не ограниченная связь; «беспредел» – крайне жестко, жульнически. Автор не случайно их использует, он стремится показать внутреннюю сущность людей потерянного поколения, которые, не имея на своем пути точно оформленных целей, тратят жизнь впустую, наложив на себя печать необремененности и беспечности бытия.

Обнаруженная деэтимологизация БЕЗ (БЕС)-приставочных лексем в контексте произведения, подчеркнула их нетривиальную коннотацию, экспрессивность, выступив смысловым наполнением лексико-семантической группы, характеризующей понятие «духовность-бездуховность», которое получило своеобразную символическую и смысловую нагрузку. Посредством усилительной характеристики (маргиналия) в романе С. Минаева «Dyxless» наблюдается энантиосемия слова «безнадежно», представленного в

контрарных отношениях: *«надежда колоссальных изменений»* – *«не подающий надежды на какой-либо процесс»*⁹, что расширяет полярную семантику БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических единиц. Использование автором полисемичных слов, выраженных варьированием лексико-словообразовательного отношения посредством антонимии лексемы *«безнадежно»*, показывает амбивалентное положение личности между положительно-отрицательной характеристикой, воцаряющей и разрушающей индивидуальность его облика, приводя к потере духовной составляющей.

Мы представили и охарактеризовали все присутствующие в тексте романа «Dухless» слова с БЕЗ (БЕС)-приставочными конструктивными единицами и определили случаи их употребления. В тексте насчитывается следующее их количество: БЕЗ-префиксальных лексем 87, а БЕС-префиксальных 47 лексем. Превалирование слов с приставкой БЕЗ- в тексте произведения свидетельствует о весомой их роли: на наш взгляд, это позволяет автору воссоздать образ человека, трансформировавшегося в обезличенное существо, обреченное на духовную пустоту и обнищание, заключающиеся в утрате веры.

В процессе исследования мы соединили ключевые идеограммы в единый список, сформировав из них несколько смысловых модулей, реализующихся посредством БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексических единиц. Кроме отмеченных в типологии примеров классификации семантико-мотивационных модулей (*отрицательная характеристика личности; время и упорядоченность бытия; благоприятные/неблагоприятные условия существования; семантика отсутствия (лишенности); усиительная характеристика (маргиналий)*), нами были выявлены на основе семантизации БЕЗ (БЕС)-префиксальных языковых конструкций романа С. Минаева «Dухless» иные смысловые модули (мы называем их полярными смысловыми модулями). Они представлены на рисунке 1, перечислим их:

⁹*«Во времена, когда город безнадежно изменится...»* [Минаев 2006: 89]. – *«– Да тут одна проблема, – машет он безнадежно рукой.»* [Минаев 2006: 214].

выражение уверенности; категория безрезультатности/нецелесообразности; негативная оценка; специфика внутреннего состояния; категория неопределенности; физическое состояние; категория долженствования; чувственное восприятие/ощущение; эмоциональное состояние; категория оценочности; количественная неопределенность. Такой способ их репрезентации дал возможность выявить неодинаковую степень их идиоматичности, лексического значения, семантической связи и отношения с другими словами, что отражено в таблице А.1 приложения А.

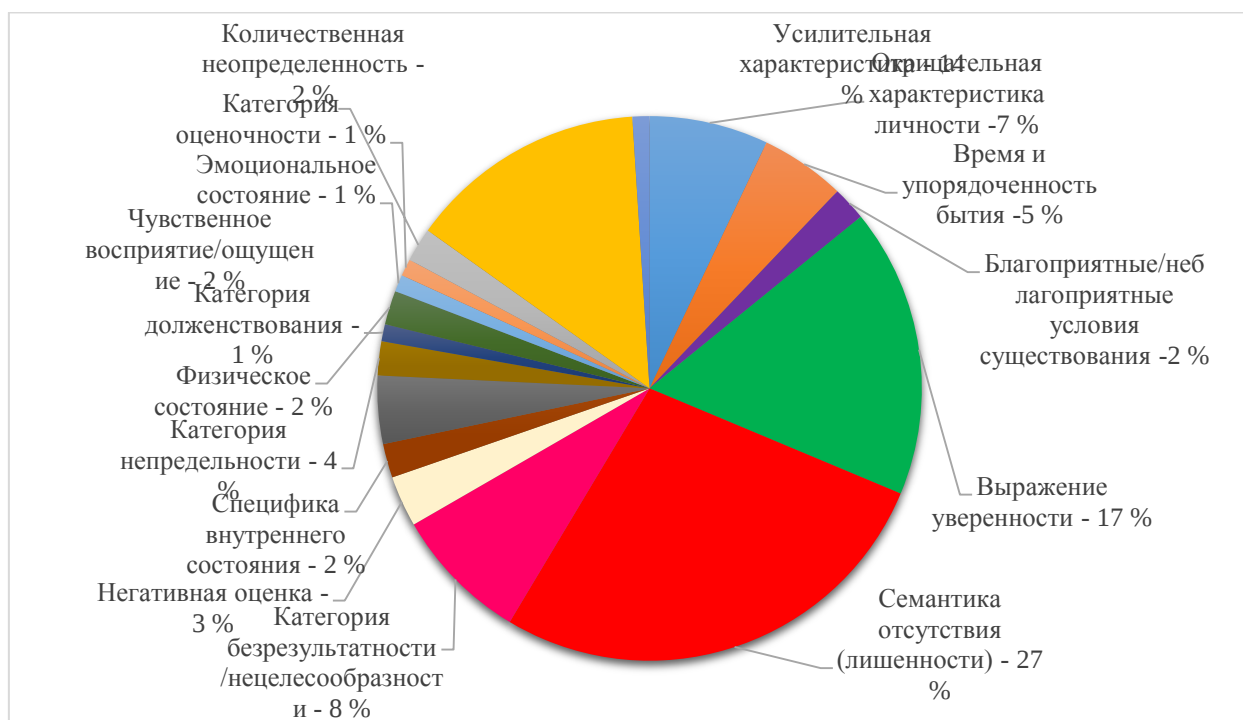

Рисунок 1 – Продуктивность семантико-мотивационных модулей в романе С. Минаева «Духless» в процентном соотношении

Например, в семантико-мотивационном модуле «отсутствия (лишенности)» мы видим, что лексема «бездуховность» в контексте романа указывает нам на духовное обнищание героя, отступление от морально-

нравственных традиций¹⁰. Семантико-мотивационный модуль «категории безрезультатности» в другой части романа связана с потерей героем жизненной ориентации, а также неспособностью обрести гармонический идеал¹¹.

Среди дополненной нами классификации возникают индивидуальные лексические конструкции с приставкой БЕЗ (БЕС)-, которые образуют словообразовательное гнездо. Соединяясь в пучок цепочек, они оказываются распределены в дифференциальные семантико-мотивационные графы на основе этимологии, семантики, мотивации: «*безделье-бездельничать-бездельники-бездействие*», «*безумие-безумно-безумный-безумцы*», «*бездарные-бездарно*», «*безусловный-безусловно*», «*бесперспективность-бесперспективняк*», «*бездуховный-бездуховность*», «*бессмысленный-бессмыслица*», «*бессилие-обессиленно*». Своеобразные контаминационные процессы повторяющихся БЕЗ (БЕС)-префиксальных конструкций в контексте романа «Duxless» создают различные эффекты семантической деривации, что иллюстрирует конфликт внутренней разобщенности героев произведения, который приводит к утрате смысложизненных идеалов и ориентиров. Это подтверждает авторскую идею, заложенную С. Минаевым в заголовке романа «duxless» – «бездуховность» [Нуруллаева 2019: 554].

Господствуют среди БЕЗ (БЕС)-приставочных конструктивных единиц различные части речи. Частота их употребления находится в следующем количественном соотношении: существительных 37 (*бездельников, бездельники, безумцы, бессилии, беззаботность, беззаботности, безделье, бездельем, бесперспективности, бездействие, безопасности, бесчестья, бессмыслица и другие*); субстантивированных прилагательных 4 (*бездомные, безналичные и другие*); адъективов 44 (*бездарных, бездарные, бесконечной, бесконечного, бессрочном, безбедным, беспроводная, бесформенной,*

¹⁰ «Мумии объединены общим космосом. Общей религией. Имя ей БЕЗДУХОВНОСТЬ» [Минаев 2006: 137].

¹¹ «Я очень устал бороться со скукой, устал от бесцельных тусовок, пустых друзей и безмазовых выходов» [Минаев 2006: 92].

безлимитного, бессонному, бесцельное и другие); кратких прилагательных 6 (*безжизненно, бесполезно, бестолково, безразлично-устало и другие*); адverbialных (наречных) 36 (*безжизненно, бесцельно, безнадежно, бездуховно, безупречно, безуспешно, обессиленно, безумно, бездарно и другие*); глаголов 2 (*не беспокоят, бездельничать*). На основе выявленных подсчетов становится очевидным, что среди БЕЗ (БЕС)-приставочных языковых конструкций романа «Dухless» доминируют адъективы, которые наиболее точно раскрывают всеобъемлющую душевную опустошенность и утрату подлинного существования ввиду несформированности личных идеалов, деструктивности внутреннего «я».

В тексте произведения «Dухless» было замечено функционирование особых единичных лексем это: «*беситься*», «*бесить*», репрезентирующих в роли семантико-мотивационного модуля «специфики внутреннего состояния»¹². БЕС-корневая морфема понятий «*беситься*» и «*бесить*», не являясь префиксальной частью слова, не были включены в классификацию. Они выступают языковыми средствами реализации ядра концептуального значения «духовность-бездуховность», интерпретируя не сему «лишенности», а появление демонического начала, заключающегося в отпадении от Бога, одержимости самообладания над другими, душевном ожесточении. Это также объясняется семантической аттракцией (притяжением) и созвучием БЕС-корневой морфемы с лексемой «*бес*», обозначающей враждебную и темную человеку силу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, рассмотрев функционирование БЕЗ (БЕС)-префиксальных конструкций в романе С. Минаева «Dухless», мы установили частотность использования (во всем тексте) слов с приставкой БЕЗ (БЕС)-, где доминирующее место отводится БЕЗ-префиксальным лексемам, указывающим на антиномизм сознания, деструктивность личности. Определив количественное соотношение их

¹² «Нет, он будет... страдать от собственной упертости, потеть, беситься...» [Минаев 2006: 17].

«И это его хватание меня еще больше бесит...» [Минаев 2006: 315].

частеречной принадлежности, обнаружили господство адъективов, несущих концептуальное значение трагичности распада внутреннего «я». Префиксальные лексические единицы с усилительной функцией, характеризующаясь экспрессивностью, деэтимологизированностью свидетельствуют об утрате литературным героем религиозно-нравственных ценностей, смирении с тщетностью собственного бытия. Анализ смысловых модулей слов с БЕЗ (БЕС)-префиксальными лексемами показывает, что автор романа сформировал образ бездуховного человека, который заключается в бедном внутреннем мире, внешней ироничности и дисгармоничности.

В процессе исследования были выделены, помимо зафиксированных в типологии семантико-мотивационных модулей, и полярные значения, которые развили исключительные смысловые акценты. Сгруппировав все имеющиеся в тексте лексемы с приставкой БЕЗ (БЕС)- в определенные смысловые модули, мы заметили функционирование в тексте специфических «БЕС-корневых морфем», указывающих на душевное очерствение героя романа, безразличие ко всему окружающему, мертвенный духовный тупик. Несмотря на то, что среди БЕЗ (БЕС)-приставочных языковых конструкций появляются слова с новой семантикой, они в своей высокочастотности, способе построения, репрезентации показывают нам, что писатель использует их неслучайно. С. Минаев стремится особым образом интерпретировать окружающую действительность современного времени, упорядоченность человеческого бытия, которая выражается в семе отсутствия духовного очага.

2.2 Языковая концептуализация бинарной оппозиция «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Duxless»

В первой главе мы проанализировали мировоззренческие подходы осмысления понятий «духовность-бездуховность», исследовали особенности функционирования и классификации бинарных оппозиций, способы их

репрезентации в русской национально-языковой картине мира. Рассмотрение концепта «духовность-бездуховность» как ключевого способа выражения бинарной оппозиции в художественном тексте является значимым в связи с тем, что мы апеллируем к языку произведения начала XXI века, в котором доминируют лексические единицы, образующие антонимические пары, семантическую дублетность, диады, триады. Это в свою очередь дает возможность выявить смыслообразующее значение идиостиля, речевой системы художественного текста писателя, его мироощущения, миропонимания им современной эпохи, а также определения морально-нравственной составляющей жизненного пути.

Опираясь на особенности репрезентации и экспликации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» романа С. Минаева «Duxless», мы исследовали специфику концептуализации ценностной гиперсемы с позиций русской лингвистической традиции.

Обратимся к данному произведению прозаика, в котором прослеживается высокая частотность использования языковых средств выражения категории бинарной оппозиции «духовность-бездуховность». Мы выявили, что отмеченная оппозиция лексических единиц, раскрывает смыслообразующее значение текста, характеризует его речестилевую систему, что позволяет определить жизненные приоритеты главного героя, воссоздав целостный образ мира людей потерянного поколения.

В процессе исследования мы обнаружили, что в романе С. Минаева «Duxless» функционируют ключевые лексические единицы, которые вступают в отношения контраста, дифференциации, характеризуя концептуальную языковую гипероппозицию лексико-семантического поля «духовность-бездуховность». Она репрезентируется бинарными оппозициями лексем, которые расширяясь образуют такие антонимические пары, как: «*желание быть рядом*» – «*отдалять*», «*любовь*» – «*ревность*», «*девушка*» – «*телка*», «*человеческое состояние*» – «*образ собаки*», «*занятость*» – «*нечем заняться*», «*щедрость*» – «*жадность*», «*здоровый*

образ жизни» – *«нездоровый образ жизни»*, *«духовное прозрение»* – *«трагическое разочарование»*, *«жизненность»* – *«мертвенность»*, *«личностное»* – *«обезличенное»*, *«вера»* – *«неверие»*, *«высокие душевные качества»* – *«низменные душевные качества»*, *«честность»* – *«обман»*, *«радость»* – *«страдание»*, *«друг»* – *«собутыльник»*, *«дружба»* – *«вражда»*, *«ясность»* – *«туманность»*, *«альтруизм»* – *«садизм»*, *«вежливость»* – *«хамство»*, *«сентиментальность»* – *«цинизм»*, *«мораль»* – *«сатира»*, *«желание изменений»* – *«невозможность изменений»*, *«настоящий герой»* – *«испорченный герой»*, *«креативность»* – *«бездарность»*, *«действительность»* – *«иллюзия»*, *«свобода»* – *«рабство»*, *«забота»* – *«безразличие»*, *«помощь»* – *«вред»*, *«нормальные люди»* – *«люди-пустышки»*, *«люди-жаворонок»* – *«мумии»*, *«Питер»* – *«Москва»*, *«Питерцы»* – *«Москвичи»*, *«общение»* – *«набор кодовых фраз»*, *«спокойствие»* – *«сумасшествие»*, *«шанс»* – *«упущенный шанс»*, *«героизм»* – *«подлость»*, *«культурные ценности»* – *«материальные блага»*, *«стремление к занятости»* – *«пустота»*, *«богатый внутренний мир»* – *«бедный внутренний мир»*, *«душевность»* – *«черствость»*, *«реалист»* – *«романтик»*, *«деятельность»* – *«бездельничанье»*, *«работа»* – *«развлечение»*, *«умиротворение»* – *«злость»*, *«день»* – *«ночь»*, представленные в таблице Б.2 приложения Б. Выделенные в романе инвариантные лексемы, первый член из которых маркирован положительно (духовность), а второй член отрицательно (бездуховность), активно взаимодействуя друг с другом, создают систему смысловых пар, раскрывающих двойственную натуру, противоречивость в языковом сознании безымянного героя.

Представленные примеры классификации оппозиционных установок оценочных сем (*«личностное»* – *«обезличенное»*, *«богатый внутренний мир»* – *«бедный внутренний мир»*, *«вера»* – *«неверие»*, *«высокие душевные качества»* – *«низменные душевные качества»*, *«честность»* – *«обман»*, *«здоровый образ жизни»* – *«нездоровый образ жизни»*, *«радость»* – *«страдание»*, *«ясность»* – *«туманность»*, *«свобода»* – *«рабство»*,

«действительность» – «иллюзия», «забота» – «безразличие», «помощь» – «вред», «душевность» – «черствость», «деятельность» – «бездельничанье», «день» – «ночь», «дружба» – «вражда», «вежливость» – «хамство», «культурные ценности» – «материальные блага», «реалист» – «романтик», «работа» – «развлечение») находятся в словарях антонимов русского языка в искомым для них антонимических парах.

Так, в словаре М.Р. Львова слово «дружба» осмысливается как *“чувство преданности, прочности взаимоотношений,, контрарным переплетением по отношению к которому выступает “вражда – чувство, пропитанное неприязнью, ненавистью к кому-либо,, [Львов 1984: 105].* Л.А. Введенской под лексемой «вера» понимается *“надежда на высшую силу, собственные возможности,, антонимом к которой выступает “неверие – состояние отсутствие доверия, лишенности сил,, [Введенская 2003: 59].* Понятие «радость» определяется как *“ощущение душевной удовлетворенности, веселья,, оппозиционной к ней лексемой является «страдание», трактуемое в значении “состояние глубокой душевной и физической боли,, [Введенская 2003: 277].* «Свобода» усматривается А.С. Гавриловой как *“положение, лишенное каких-либо ограничений,, а противоположной по семантике к ней лексемой выступает “рабство – положение угнетения и эксплуатации людей,, [Гаврилова 2014: 490].*

Однако, с учетом значений, выявленных в словарях антонимов русского языка, нами были обнаружены в тексте произведения «Duxless» иные индивидуально-авторские контекстуальные антонимы: «желание быть рядом» – «отдалять», «любовь» – «ревность», «девушка» – «телка», «человеческое состояние» – «образ собаки», «занятость» – «нечем заняться», «щедрость» – «жадность», «жизненность» – «мертвенность», «духовное прозрение» – «трагическое разочарование», «друг» – «собутыльник», «альтруизм» – «садизм», «сентиментальность» – «цинизм», «мораль» – «сатира», «желание изменений» – «невозможность изменений», «настоящий герой» – «испорченный герой», «креативность» –

«бездарность», «нормальные люди» – «люди-пустышки», «люди жаворонки» – «мумии», «Питер» – «Москва», «Питерцы» – «Москвичи», «общение» – «набор кодовых фраз», «спокойствие» – «сумасшествие», «шанс» – «упущенный шанс», «героизм» – «подлость», «стремление к занятости» – «пустота», «умиротворение» – «злость», которые отражены в таблице Б.2 приложения Б. Преобладая в своем многообразии над представленной выше в типологии классификацией, они составляют ядро лексико-семантического поля «духовность-бездуховность». Это позволяет раскрыть систему авторской картины мира, иллюстрирующей духовные высоты личностной составляющей и бездны ее нравственного упадка.

Охарактеризуем из представленного выше перечня индивидуально-авторских контекстуальных антонимических оппозиций наиболее продуктивные. Так, лексема «любовь», заключающая в себе значение *“чувство глубокой душевной близости, сердечной привязанности,,* имеет в качестве смысловой противоположности в контексте произведения лексему «ревность», интерпретируемую как *“подозрение в верности, измене и привязанности к кому-либо,,*¹³ [Ушаков 2014: 281-591]. Данные инвариантные понятия репрезентируются: речевой антонимией («ночная переписка» – «другой мужчина», «трогательное эсэмэс» – «мужской голос»); метафорическими оппозициями («распирает от нежности» – «царапает грудь изнутри»); фразеологизмами семантических оппозиций («на душе тепло» – «комочек в горле», «на душе маслено» – «стоят слезы в глазах»). Лексеме «девушка», которая является обращением к *“молодой женщине, ведущей верный социальный уклад жизни,,*, контрарной парой выступает *“телка – клевая женщина, которая легко доступна на любые*

¹³ «И я посылаю ей еще более трогательное эсэмэс, сравнивая ее с ангелом, и пишу ей еще сто шестьдесят знаков собственных чувств. И меня распирает от нежности и романтики ситуации, и мне хорошо, как в детстве, когда мама укрывала меня, спящего, одеялом» [Минаев 2006: 268]. – «И я думаю о том, что совершенно запросто сегодня утром она получает мое эсэмэс, просыпаясь на груди другого мужчины... У меня стоит комочек в горле и слезы в глазах, хотя я совершенно отчетливо понимаю, что ревность весьма деструктивна» [Минаев 2006: 269].

отношения,,¹⁴ [Грачев 2006: 152-537]. Противоположность отмеченных констант иллюстрируется: контрарностью существительных («девочка» – «телочка», «красавица» – «мумия», «подруга» – «любовница», «ангел» – «путан», «богиня» – «простушка»); оппозициями прилагательных («духовная» – «пустая», «симпатичная» – «не симпатичная», «милая» – «бойкая», «хорошая» – «левацки-бунтарская», «честная» – «продажная», «интеллигентная» – «контркультурная»); оппозициями метафор («прекрасная незнакомка» – «дама полусвета», «женищина тургеневских романов» – «рабыня страсти», «сестра милосердия» – «развратная девица», «недоступная красавица» – «вавилонская блудница», «мать Тереза» – «Шехерезада на ночь», «недоступная королева» – «дебютантка порноиндустрии»); оппозициями перифраз («честная столичная девушка» – «роковая женищина-вамп»).

Семе «друг», носящей значение «близкий человек, с которым отношения основаны на дружбе, взаимопонимании и общности интересов,,», антитезой в контексте романа является «собутыльник», определяемый в словарной дефиниции как «человек с которым вместе пьют, пьянствуют,,»,¹⁵ [Кузнецов 2000: 285-1125]. Полярность обозначенных лексем отражается: противоположностью существительных («дружок» – «дурачок», «старичок» – «чувачок», «товарищ» – «содорожник», «брат» – «братан», «старик» – «чувак», «дружище» – «иллюзионист»); антитезой глаголов («общаться» – «чокаться», «шутить» – «ржать»); оппозицией эпитетов («думающий человек» – «непутевый чел», «светский денди» – «пьяный дурак»); контрарностью фразеологизмов («душа компании» – «партнер по несчастью»); оппозицией метафор («добрый попутчик» – «блатной ишлягер»,

¹⁴ «Ты мила той самой чистотой и наивностью, которая осталась в наше время только у женщин из тургеневских романов» [Минаев 2006: 109]. – «...Много проституток, выдающих себя за честных девушек... я зову эту категорию особей женского пола *the telki*» [Минаев 2006: 15-16].

¹⁵ «Его хочется слушать, и самое плохое настроение само собой улечивается. В общем, Мишка – тот человек, которого ты хочешь непременно иметь в друзьях, еще лучше – в близких... Я жалею ему на вечную тоску, мертвость, окружающих, их лицемерие и пошлость» [Минаев 2006: 62]. – «Я сижу со своим Тимуром, одним из тех знакомых, которых все называют друзьями, конечно, никакие они не друзья, а просто люди, которым ты звонишь, когда тебе нужен собутыльник» [Минаев 2006: 13].

«младший брат» – «клубный приятель»); речевой антонимией («тесное общение» – «совместные пьянки»). Понятие «настоящий герой» разъясняется как «человек, иллюстрирующий лучший образец, идеал для подражания,, противопоставляясь «испорченному герою» как «дурному, безнравственному и развращенному человеку»,¹⁶ [Ожегов 2006: 240-394]. Противоположность данных понятий номинируется: оппозицией существительных («Бэтмен» – «мажор», «джентльмен» – «хулиган», «Д’Артаньян» – «плейбой», «эстет» – «не суперкрасавец Аполлон», «ковбой» – «лузер»); антонимией прилагательных («высокодуховный» – «похотливый», «крепкий» – «помятый», «космополитичный» – «злой», «романтичный» – «возбужденный», «работающий» – «подкуранный», «аутентичный» – «порочный»); контрарностью глаголов («сражается» – «бухает», «помогает» – «хулиганит»); оппозицией эпитетов («манерный эстет» – «порочный мальчик», «настоящий мужчина» – «отъявленный раздолбай», «всеобъемлющий персонаж» – «разуверившийся персонаж», «идеальный образ» – «истинный тусовщик»); бинарностью метафор («хороший парень» – «плохой парень», «гуру по духовности» – «любитель веселого досуга», «фольклорный персонаж» – «накокаиненный Шива», «сказочный персонаж» – «придурковатый сноб»); оппозицией фразеологизмов («настоящий властитель дум» – «шут гороховый»).

Лексеме «героизм», толкуемой как «мужественный и самоотверженный подвиг в тяжелой обстановке,, антитезой выступает «подлость», которая характеризуется как «скверный и низкий поступок, причиняющий вред»,¹⁷ [Аникин 2016: 190]. Контрарность представленных языковых единиц выражается: антонимией глаголов («бороться» –

¹⁶ «Я... открываю дверь офиса, источая из себя флюиды вечных ценностей, таких как: пунктуальность, служебное рвение, начальственная мудрость и забота об интересах Компании» [Минаев 2006: 26]. – «...Я обзавелся... еще большим количеством скандальных историй с хулиганством в клубе, дракой на домашней вечеринке...» [Минаев 2006: 195].

¹⁷ «...Не много найдется Матросовых, способных собственной грудью броситься на амбразуру секретариата с гранатой в руках, чтоб оградить их от хамства, нежелания работать и проблем» [Минаев 2006: 26]. – «...Я полдня разводил ее на местном форуме, посылал по почте фотографии мачо. ... ухохотался я тогда неплохо» [Минаев 2006: 28].

«пошлить», «защищать» – «издеваться», «спасать» – «высмеивать»); оппозицией метафор («воинский долг» – «жуткие ломки», «благородный порыв» – «собственная желчь», «пионерский порыв» – «издевательский тон», «морально-волевое качество» – «ироническое русло»); противоположностью фразеологизмов («стискивать зубы» – «прыскать со смеху», «собираться с духом» – «вгонять в краску», «броситься грудью на амбразуру» – «смешивать с грязью»); оппозицией эпитетов («выдержка железная» – «глумливый нрав»). Лексической единице «люди-жаворонки» употребляемой в значении «*бодрые люди, ведущие активное и жизнерадостное существование*», полярным в контексте является понятие «мумии», интерпретируемое как «*трупы, потерявшие истинный смысл к правильному существованию*»,¹⁸ [Кузнецов 2000: 298-563]. Инвариантность данных лексем иллюстрируется: антонимией существительных («люди-светлячки» – «невидимки», «человечность» – «БЕЗДУХОВНОСТЬ»); контрастностью метафор («человеческие особи» – «серая масса», «волнистые попугайчики» – «мертвые крысы», «первые люди» – «масса мумий», «новые люди» – «серые лица»).

Понятие «нормальные люди», заключающее в себе значение «*нравственно здоровые люди, стремящиеся к реализации внутреннего «я», удовлетворению высших потребностей*», смысловой противоположностью в тексте романа выступает лексема «люди-пустышки» определяемое как «*духовно опустошенные люди, не реализовавшие собственное «я», существующие для удовлетворения инстинктивных потребностей*»,¹⁹ [Евгеньева 1985: 509-562]. Полярность представленных языковых единиц реализуется: оппозицией глаголов («*живут*» – «*существуют*», «*познают*» –

¹⁸ «...На улице появляются первые люди-жаворонки, ведущие выгуливать своих собак» [Минаев 2006: 319]. – «Мумии объединены общим космосом. Общей религией. Имя ей – БЕЗДУХОВНОСТЬ» [Минаев 2006: 137].

¹⁹ «...Они нормальные люди, у них есть мечты, «души прекрасные порывы», проблемы и жизненные заботы» [Минаев 2006: 130]. – «...Этих людей просто нет. ...Пространство внутри Садового кольца... подобие компьютерной игрушки, населенной людьми-пустышками. ...Они поняли, что легче превратиться в персонажей гламурных журналов, героев и героинь танцпола, фей подиума и ресторанных рыцарей ножа и тарелки» [Минаев 2006: 130].

«обжираются»); антонимией прилагательных («счастливые» – «пьяные», «перспективные» – «смурные», «неординарные» – «игрушечные»); контрастностью эпитетов («умные люди» – «бездарные людишки», «НАСТОЯЩИЕ люди» – «компьютерные игрушки», «единственные люди» – «гелиевая масса», «интеллигентные люди» – «выпившие манекены»); оппозицией метафор («человеческое племя» – «серая масса», «приличные люди» – «отвратительнейшие из смертных», «первое поколение» – «поколение Франкенштейнов», «счастливое поколение» – «поколение "Wasted"»). Такой описательный метод окказиональных антонимов позволил нам заметить специфический характер функционирования лексических единиц, которые создают в контексте произведения разветвленную систему антиномизма, противопоставляясь по семантическим признакам.

Отмеченные бинарные оппозиции семантических субстанций лексических единиц функционируют в словарях синонимов русского языка в искомых для них синонимических отношениях. Так, эквивалентом лексемы «свобода» синонимичными по значению являются номинации: «воля», «непринужденность». Синонимами по отношению к оппозиционной ей семе «рабство» выступают: «плен», «подчиненность» [Гаврилова 2014: 309-337]. Понятию «радость» синонимичными по коннотации выступают наименования: «удовольствие», «упоение», «восторженность», «веселье». Антонимичная семе «радость» языковая единица «страдание» представлена близкими по значению лексемами: «мучение», «несчастье», «боль», «грусть» [Бабенко 2011: 56-104]. Лексема «деятельность» включает синонимические компоненты значений: «работать», «активность», «энергичность». Полярная к отмеченной семе языковая единица «бездельничанье» включает в себя синонимические понятия: «бездействовать», «лень», «усталость» [Евгеньева 2003: 26-45].

Ориентация на словари синонимов русского языка позволила выявить в контексте романа «Duhless» функционирование окказиональных синонимов, которые расширяют границы языкового мировидения, обогащая лексический

состав языка. Автор, замещая присутствующие в тексте произведения пары полярных лексических оппозиций, иллюстрирует их своеобразными рядами семантических дублетов. Так, автор репрезентирует лексему «свобода» рядами таких контекстуальных синонимов, как: *«райский отдых»*, *«новая ЭРА»*, *«рай земной»*, *«расслабленность»*, *«суверенитет»*, *«право»*, *«движухи»*, *«самоопределение»*, *«чувство полета»*. Оппозиционное ей понятие «рабство» номинируются синонимами: *«нацистский концлагерь»*, *«адские мучения»*, *«нечеловеческие условия»*, *«жуткий пресс»*, *«концлагерь»*, *«обреченные лица»*, *«мертвые души»*. Лексическая единица «радость» выражается в тексте наименованиями следующих синонимов: *«свет»*, *«предвкушение»*, *«восторженность»*, *«неописуемый восторг»*, *«прекрасный момент»*, *«положительная энергетика»*. Контрарное по отношению к данной лексеме понятие «страдание» номинируется близкими по значению семами: *«самобичевание»*, *«тоска»*, *«беда»*, *«тягостная пауза»*, *«настоящая драма»*, *«грустные глаза»*. Смысловые понятия семы «деятельность» выражаются синонимическими языковыми единицами: *«перспектива»*, *«рвение»*, *«усердие»*, *«личная готовность»*. Лексема «бездельничанье», являющаяся антитезой к понятию «деятельность», обозначается близкими по смыслу семами: *«бесперспективность»*, *«безволие»*, *«необремененность»*, *«маразматический кайф»*.

Описанные индивидуально-авторские синонимы, образовали основные оппозитивные парадигматические отношения, показав внутри контрарных понятий возрождающее (духовность) и разрушающее (бездуховность) начала. Идентифицируя парадигму смысловых доминант, они создали в контексте романа ряды бинарных синонимических цепочек, которые усилив значение предыдущей лексической единицы, привели к градации: *«право – расслабленность – движухи – райский отдых – рай земной – новая ЭРА»* – *«концлагерь – обреченные лица – нечеловеческие условия – жуткий пресс – адские мучения – мертвые души»*, *«положительная энергетика – прекрасный момент – неописуемый восторг – восторженность – свет»* –

«грустные глаза – настоящая драма – тягостная пауза – тоска – беда», «перспектива – личная готовность – усердие – рвение» – «бесперспективность – безволие – необремененность – маразматический кайф». Синонимическая цепочка антонимических пар позволила воссоздать образ амбивалентного героя, колеблющегося в духовно-нравственных ориентирах.

Мы представили и охарактеризовали присутствующие в тексте романа «Duxless» инвариантные лексические единицы, являющиеся ключевыми компонентами бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» и определили случаи их употребления. В тексте насчитывается 206 примеров бинарных оппозиций, находящихся в следующем количественном соотношении: лексических единиц, составляющих «духовность» 106 лексем, а лексических единиц, образующих «бездуховность» 100 лексем, что отражено на рисунке 2. Превалирование в тексте произведения языковых единиц, составляющих лексико-семантическое поле «духовность», свидетельствует о весомой их роли: на наш взгляд, автор стремится показать, что несмотря на окружающую героя тяжелую общественную обстановку в стране, он ищет пути выхода из жизненной мути, желая обрести душевную гармонию, ценностные ориентиры и целостность собственного «я».

В процессе исследования мы обнаружили возникновение оппозиций диад: *«любовь – ревность» – «желание быть рядом – отдалять», «нормальные люди – люди-пустышки» – «люди-жаворонки – мумии», «девушка – телка» – «друг – собутыльник», «настоящий герой – испорченный герой» – «героизм – подлость», «высокие душевные качества – низменные душевные качества» – «богатый внутренний мир – бедный внутренний мир», «дружба – вражда» – «помощь – вред», «здоровый образ жизни – нездоровый образ жизни» – «жизненность – мертвенность».* Они выступили смыслообразующими в тексте художественного произведения, показав корреляцию пар структурных членов бинарной оппозиции. На

основе выявленной оппозиции диад, развилась антонимия триад: «любовь – ревность – отдалять», «вера – неверие – обман», «свобода – рабство – образ собаки», «здоровый образ жизни – нездоровый образ жизни – мертвенность», «вежливость – хамство – садизм», «культурные ценности – материальные блага – пустота», «общение – набор кодовых фраз – сумасшествие», «щедрость – жадность – черствость», «помощь – вред – вражда», «радость – страдание – трагическое разочарование». Данная эмфатическая контрастность триад выраженная градацией компонентов оппозиционных сем, интерпретирует языковую картину действительности начала XXI века. Выявленные способы репрезентации гипероппозиции «духовность-бездуховность», дали возможность заметить дифференциальную степень функционирования антонимических лексем, а также полярность коннотаций ценностных характеристик структурных членов бинарных оппозиций, представленных на рисунке 2.

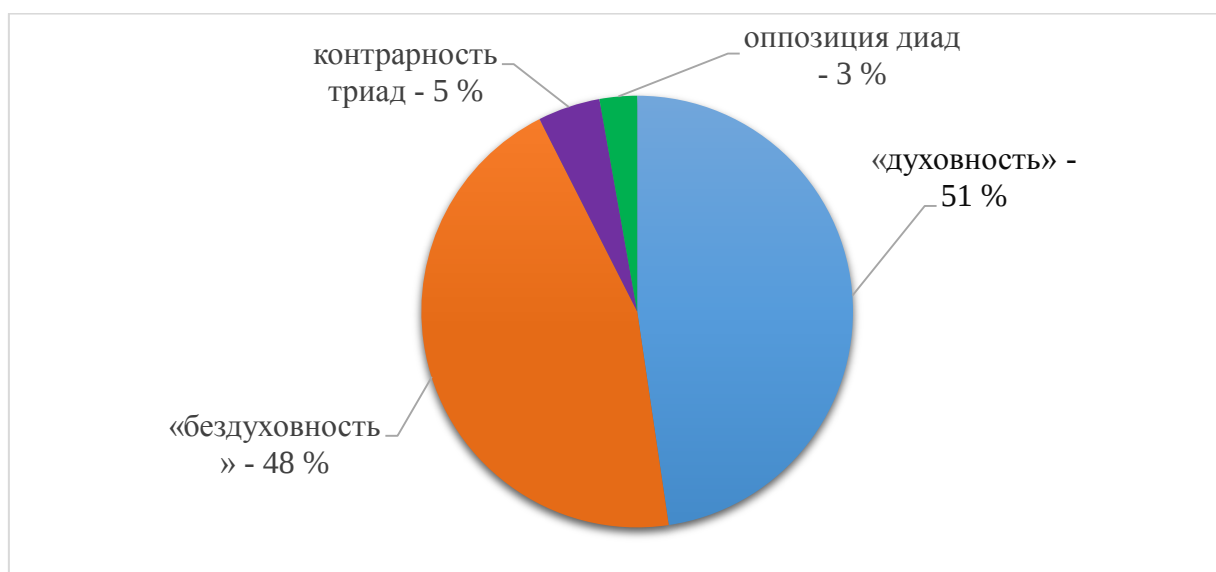

Рисунок 2 – Продуктивность оппозиционных лексических единиц, составляющих ядро лексико-семантического поля «духовность-бездуховность» в процентном соотношении

Таким образом, можно заключить, что доминирующая бинарная оппозиция «духовность-бездуховность», проходя магистральной линией на

протяжении всего произведения С. Минаева «Duxless», характеризуется дифференциальными вариациями антонимических отношений. Описанные и охарактеризованные ключевые лексемы дихотомии «духовность-бездуховность», выступив в отношении корреляции, образовали в структуре текста романа «Duxless» бинарную оппозицию.

В процессе исследования мы выявили, что основные признаки и свойства пар контрарных лексических единиц бинарной гипероппозиции репрезентируются сочетаемостью оппозиций существительных, прилагательных, глаголов, синонимических эквивалентов, метафор, фразеологизмов, эпитетов, перифраз, которые позволили нам определить специфику стиля и слога писателя. Сопоставив лексические единицы концепта «духовность-бездуховность», мы обнаружили, что основной формой отражения бинарной оппозиции, выступила антонимия, проявляющаяся в сложной системе окказиональных противопоставлений. Функционирующие в тексте произведения оппозиции диад и триад, создали семантическую градацию между структурными членами контрарных понятий, которые показали кризисность и амбивалентность в языковом сознании героя.

Заключение

Проведенное исследование в рамках настоящей бакалаврской работы позволяет сделать следующие выводы.

При обращении к лингвистическим словарям, было замечено выделение различных классификаций языковых уровней, видов и разновидностей понятия бинарной оппозиции, позволяющих интерпретировать словесную ткань произведения.

Отечественными и зарубежными учеными бинарные оппозиции исследовались путем использования различных методов и средств: сравнительного анализа оппозиций, антонимии лексических пар, противопоставления диад, определения двуполярности коннотативного компонента, описания оппозиции семантической дублетности, контраста между частями речи одной группы, инвариантности триад, метафорической оппозиции. Благодаря описанным методам и средствам оказалось возможным определить смыслообразующую основу идиостиля текста, открыть его гносеологические и метафорические особенности, отражающие картину целостного образа мира.

В исследованиях, посвященных характеристике оппозиции «духовность-бездуховность» внимание было уделено различным аспектам изучения инвариантных понятий. Одни авторы обращаются к различиям мировоззренческих установок и жизненных приоритетов между людьми; другие показывают индивидуально-авторский подход в интерпретации сущности явлений бытия, которые в структурной ткани художественного произведения раскрывают внутренний мир героя; третьи на первый план выдвигают становление личности индивида и формирование его сознания, контролирующего взаимоотношения как с самим собой, так и с окружающим социумом. Существование многоаспектных трудов дает возможность сформулировать резюмирующие выводы, отражающие целостную

концепцию, лежащую в основу бинарной оппозиции «духовность-бездуховность».

При выявлении семантики БЕЗ (БЕС)-приставочных языковых конструкций были выделены и охарактеризованы способы выражения бинарной оппозиции (различная классификация производящей доминантой сферы, варьирование лексико-словообразовательного отношения, неодинаковая степень идиоматичности, дифференциальный мотивационный план, воздействие морфо-семантического поля, нетривиальная семантика слов). Оппозиция, выявленная лингвистами на морфемном уровне, позволила заметить колебания в восприятии окружающей картины мира носителями русского языка и «оппозитивность» авторского сознания.

В настоящей бакалаврской работе в результате исследования особенностей функционирования языковых средств бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» романа С. Минаева «Духless» были выявлены 134 примера слов и сочетаний с префиксом БЕЗ (БЕС)-: БЕЗ-префиксальных лексем – 87, а БЕС-префиксальных – 47, также 206 примеров инвариантных понятий гипероппозиции «духовность-бездуховность»: 106 лексических единиц, образующих смысловое поле «духовность» и 100 лексических единиц, образующих смысловое поле «бездуховность». Мы определили, что доминирование БЕЗ-префиксальных лексем указывает на образ героя, трансформировавшегося в обезличенное существо, обреченное на духовную пустоту, а преобладание в бинарной оппозиции лексической единицы с семей «духовность» показывает стремление к обретению внутренней гармонии.

Мы установили, что специфика репрезентации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в тексте романа С. Минаева заключена в деэтимологизации усилительной характеристики («бесперспективняк», «бесперспективность», «безобразие», «бессмертный», «безумный», «безнадежно», «бездуховный», «бесповоротный», «бесподобный», «бездарно», «беспорядочный», «беспредел»), энантиосемии префиксальной

лексемы БЕЗ- («безнадежно»). Мы определили, что автор использует их неслучайно, он стремится подчеркнуть своеобразную символическую и смысловую нагрузку БЕЗ (БЕС)-префиксальных лексем, показывающих амбивалентное положение безымянного героя между положительно-отрицательной характеристикой, конфликтом обретения-потери духовного очага.

Мы установили, что бинарная оппозиция «духовность-бездуховность» образует языковую концептуализацию благодаря употреблению писателем дифференциальных языковых средств: антонимии («*желание быть рядом*» – «*отдалять*», «*личностное*» – «*обезличенное*»), контраста синонимии («*свобода*» («*воля*», «*непринужденность*») – «*рабство*» («*плен*», «*подчиненность*»)), оппозиции диад («*любовь – ревность*» – «*желание быть рядом – отдалять*»), полярности триад («*любовь – ревность – отдалять*», «*вера – неверие – обман*»). Мы обнаружили доминирование в использовании С. Минаевым в контексте романа «Duxless» индивидуально-авторских антонимов («*девушка*» – «*телка*», «*друг*» – «*собутыльник*»), контрарных синонимов («*свобода*» («*райский отдых*», «*новая ЭРА*», «*рай земной*») – «*рабство*» («*нацистский концлагерь*», «*адские мучения*», «*нечеловеческие условия*»)), метафорических оппозиций («*распирает от нежности*» – «*царапает грудь изнутри*»), фразеологических противопоставлений («*на душе тепло*» – «*комочек в горле*»), оппозиций перифраз («*честная столичная девушка*» – «*роковая женщина вамп*»). Это объясняется тем, что писатель посредством окказиональных оппозиционных понятий отражает смену ценностных ориентиров людей XXI, стремясь найти точный прозаический язык для передачи ломки традиционного уклада жизни, нравственного упадка, колебания между «настоящим» и «ненастоящим» человеком.

В основу упорядочения выделенных нами ключевых лексических единиц и конструкций бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» был положен ряд параметров, способствующих их классификации. Так, БЕЗ (БЕС)-приставочные слова и сочетания, исходя из семантической

характеристики номинаций, были сгруппированы по конкретным семантико-мотивационным модулям: отрицательная характеристика личности («безумцы», «бездарные», «бездельники»); время и упорядоченность бытия («бесконечность», «безжизненно», «бессрочность»); благоприятные/неблагоприятные условия существования («бездомность», «безбедный»); выражение уверенности («безусловно», «безусловный»); семантика отсутствия (лишенности) («безудержный», «безделье», «беззаботность»); категория безрезультатности/нецелесообразности («бесполезно», «бесцельный», «бессмысленный»); негативная оценка («бестолковый», «безумие»); специфика внутреннего состояния («безразличие», «не беспокоят», «безразлично-устало»); категория неопределенности («бескрайний», «безграничный», «беспредел»); физическое состояние («обессилено», «безмятежно»); категория долженствования («бездельничать», «беззаботность»); эмоциональное состояние («безысходность», «безумно»); категория оценочности («безвкусно», «безумно»); количественная неопределенность («бесчисленный»); усилительная характеристика (маргиналий) («безумный», «бездарно», «безнадежно», «бездуховный»). Ключевые лексические единицы на базе семантического компонента были распределены на оппозиционные пары: «щедрость» – «жадность», «жизненность» – «мертвенность», «вера» – «неверие», «вежливость» – «хамство», «реалист» – «романтик», «деятельность» – «бездельничанье» и так далее. Данный способ систематизации языковых единиц дал возможность обнаружить новые качества и значения оценочных понятий, инвариантных пар, которые, тесно взаимодействуя между собой, раскрыли двоичный характер мировосприятия безымянного героя С. Минаева.

Такой лингвистический подход к осмыслению роли языковых средств реализации бинарной оппозиции «духовность-бездуховность» в романе С. Минаева «Dухless» позволил нам сделать следующие выводы: категория бинарной оппозиции выступила смыслообразующей в создании

художественного текста романа, показав борьбу трагического распада внутреннего «я», колебания в языковом сознании героя. БЕЗ (БЕС)-префиксальные лексические единицы с усилительной коннотацией, характеризующаясь экспрессивностью, энантиосемией свидетельствуют об утрате литературным героем чувства ответственности, смирении с тщетностью бытия. Сопоставления лексических единиц концепта «духовность-бездуховность» с дифференциальными частями речи и средствами языковой выразительности позволили нам обнаружить, что основной формой отражения бинарной оппозиции, выступила антонимия, проявляющаяся в сложной системе окказиональных противопоставлений.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник : около 11 000 синонимических рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М. : «Русский язык», 2001. 568 с.
2. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Выпуск 10 (гáлочка I – глы́ча). М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, Новосибирск : Ин-т филологии сибирского отделения РАН ; СПб. : Нестор-История, 2016. 368 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Байлук В. В. Духовность, бездуховность и самореализация личности // Самореализация личности в современном социуме : сб. науч. тр. по мат. IV международного форума «Духовная самореализация личности в современном социуме» / Урал. гос. пед. ун-т ; под ред. В. В. Байлука. Екб. : УрГПУ, 2015. С. 9–15.
5. Бинарная оппозиция / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко // Постмодернизм. Энциклопедия. Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2001. С. 55.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
7. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка : Около 500 антонимических гнёзд. М. : Астрель : АСТ, 2003. 445 с.
8. Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка : 50 000 синонимов, 600 антонимических пар / под ред. А. С. Гавриловой. М. : «Аделант», 2014. 800 с.
9. Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона : Более 6000 жаргонизмов. М. : Эксмо, 2006. 672 с.

10. Григорьева Т. В. Метафорическая оппозиция чистый-грязный как способ языковой интерпретации действительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–1 (31). С. 56–58.
11. Гудкова К. В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Серия 9. 2012. Вып. 3. С. 68–71.
12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 томах] / В. И. Даль ; под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб., М. : Товарищества М. О. Вольфъ, 1903. 1 т. : А–З. 1724 с.
13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 томах] / В. И. Даль ; под ред. А. Н. Филиппова. М. : РИПОЛ классик, 2006. 1 т. : А–З. 752 с.
14. Долотова Т. Н. Семантическое поле эмоциональности и оценочности и его реализация в публицистике В. М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Ставрополь, 2003. 24 с.
15. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990 гг.) : около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М. : «Русские словари», 2000. 694 с.
16. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
17. С. И. Гресь, М. Ю. Газе, А. А. Захарова К вопросу о дихотомии «духовность-бездуховность» // Молодой ученый. 2016. № 10,5 (114,5). С. 20–22.
18. Лившиц Р. Л. Духовность и бездуховность личности. Екб. : Изд-во Уральского ун-та, 1997. 152 с.
19. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2000 антонимических пар / М. Р. Львов, под ред. Л. А. Новикова. 2-изд., испр. и доп. М. : «Русский язык», 1984. 384 с.
20. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д. : «Феникс», 2010. 562 с. (Серия «Словари»).

21. Махмудова Д. Ф. Оценочное наполнение бинарных оппозиций «белый-черный» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2–1 (68). С. 123–125.
22. Минаев С. С. ДУХLESS: Повесть о ненастоящем человеке. М. : АСТ : АСТ МОСКВА : Транзиткнига, 2006. 346 с.
23. Нуруллаева Т. Г. Поиски «настоящего человека» в произведениях Б. Полевого и С. Минаева // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция (Тольятти, 1–30 апреля 2019 года) : сб. студ. работ / Министерство науки и высшего образования РФ, Тольяттинский гос. ун-т ; отв. за вып. С. Х. Петерайтис. Тольятти : Изд-во ТГУ, 2019. С. 553–556.
24. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с. (Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова).
25. Рахимова А. Э. Лингвистические особенности реализации бинарной оппозиции «Freude» (радость) / «Trauer» (печаль) в современном немецком художественном дискурсе // Филология и культура. 2015. № 1 (39). С. 74–79.
26. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с.
27. Романов Д. В., Камуз В. В., Мальцева О. Г. О духовности и бездуховности // Вестник АГУ. Серия 3 : Педагогика и психология. 2017. Вып. 1 (193). С. 45–49.
28. Руднев В. П. Бинарная оппозиция // Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 1999. С. 38–39.
29. Словарь русского языка : [в 4 томах] / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. стер. М. : Русский язык, 1985. 1 т. : А–Й. 696 с.

30. Словарь синонимов русского языка : [в 2 томах] / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель, АСТ, 2003. 1 т. : А-Н. 680 с. (Российская академия наук, Институт лингвистических исследований).
31. Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. проф. А. Г. Бабенко. М. : Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
32. Стерледева Т. Д., Стерледев Р. К. Духовность и бездуховность как вызов и риски для России // Власть. 2013. № 8. С. 78–82.
33. Сурикова О. Д. Лексические единицы с приставкой и предлогом без в русских народных говорах и фольклоре : семантико-мотивационный и этнолингвистический аспекты : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Екб., 2016. 34 с.
34. Сысоев В. А. Бинарные оппозиции в языке и речи [Электронный ресурс] // Academia.edu: [сайт]. [2010]. URL: https://www.academia.edu/22687322/%D0%91%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%BE%D0%BF%D0%BF%D0%BE%D0%B7%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%B2_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B5_%D0%B8_%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B8 (дата обращения: 17.09.2019).
35. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М. : Астрель, АСТ, 2003. 1582 с. (Словари Академии Российской).
36. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка : 100 000 слов и словосочетаний. М. : Аделант, 2014. 800 с.
37. Феклисова А. А., Носова Д. А., Антоненко И. В. Проблема бездуховности в современном мире // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации «Социальный инженер – 2018» : сб. мат. Всероссийской конференции молодых исследователей в 2 ч. Ч. 2 : (Москва, 12 декабря 2018 г.) / Министерство науки и высшего образования РФ, Российский гос. ун-т им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) ; редкол.: О. В. Кашеев [и др.]. М., 2018. С. 139–142.

38. Хайрутдинова А. Р. Бинарные оппозиции как способ концептуализации художественной картины мира А. А. Кима (на материале произведений «Онлирия», «Близнец», «Посёлок кентавров») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Казань, 2012. 22 с.

39. Шарихин Е. Ю. К вопросу о семантических и словообразовательных процессах в области наречий на – о (на материале качественных наречий с приставкой без – в русской художественной прозе XIX века) // АСТА LINGUSTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН в 14 т. (3-х ч.) Т. 11 (Ч. 1) / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Наука, 2015. С. 831–853.

40. Oxford Dictionary of English / ed. by A. Stevenson. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2010. 2112 p.

41. Raximova A. E. Linguistic and cultural features of binary opposition «Klugheit» (intellect) and «Dummheit» (stupidity) realization in German discourse // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). 2018. Issue 10. P.P. 413–418.

42. Safonova E. V., Kuryleva L. A. The opposition of the concepts «Good» and «Evil» in eastern and western folklore // Вологдинские чтения. 2007. Вып. 63. P.P. 26–28.

43. Semenova E. M. «Uniformity-diversity» as the basic archetypical metaphorical opposition of American linguistic culture // Научные тенденции : Филология, Культурология, Искусствоведение : сб. науч. тр. по мат. XI международной научной конференции : (Санкт-Петербург 26 марта 2018 г.) / Международная Объединенная Академия Наук ; гл. ред. В. В. Иванов. СПб., 2018. P.P. 42–44.

44. Concise Oxford American Dictionary / ed. by E. McKean, C. Baboukis, C. Braham [et al.]. New York : Oxford University Press ; Inc, 2006. 10016 p.

Приложение А

Идеограмма смыслового модуля усилительной характеристики (маргиналия) БЕЗ (БЕС)- в романе С. Минаева «Duxless»

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
Отрицательная характеристика личности	<i>бездельники</i> <i>безумцы</i> <i>бездарные</i>	«...Иностранный персонал учит работать русских <i>бездельников</i> » [Минаев 2006: 44]. «...В «Галерее», ставшей для московских <i>бездельников</i> новой Меккой...» [Минаев 2006: 53]. «Мы, идиоты, лузеры, <i>бездельники</i> » [Минаев 2006: 103]. «Они такие же мещане... и просто <i>бездельники</i> ...» [Минаев 2006: 198]. «...И раболепия небольшого штата <i>бездельников</i> ...» [Минаев 2006: 242]. «В этом городе и так все <i>безумцы</i> » [Минаев 2006: 70]. «...В этом коллективе жуликов, идиотов и <i>бездарных</i> лодырей» [Минаев 2006: 110]. «Никому не интересные, <i>бездарные</i> людишки» [Минаев 2006: 146]. «Омерзительное место для... <i>бездарных</i> рок-музыкантов» [Минаев 2006: 154].
Время и упорядоченность бытия	<i>бесконечность</i> <i>бессрочность</i> <i>безжизненно</i>	«...Думал, что жизнь в атмосфере <i>бесконечного</i> праздника...» [Минаев 2006: 21]. «...Мы – герои <i>бесконечного</i> клипа» [Минаев 2006: 57]. «А некоторые просто представляют... фотосессию с <i>бесконечной</i> party» [Минаев 2006: 133]. «...Вторая половина... на испытательном сроке (видимо, <i>бессрочном</i>) ...» [Минаев 2006: 27]. «...Крепостных стен с <i>безжизненно</i> свесившимися городскими флагами...» [Минаев 2006: 211]. «... <i>Безжизненно</i> свесившаяся с кровати рука...» [Минаев 2006: 271].
Благоприятные/неблагоприятные условия существования	<i>бездомность</i> <i>безбедный</i>	«...Они похожи на нью-йоркских <i>бездомных</i> ... <i>Бездомные</i> сидели в общественных столовых...» [Минаев 2006: 138]. «...Своим <i>безбедным</i> существованием они обязаны тебе...» [Минаев 2006: 242].
Выражение уверенности	<i>безусловно</i>	«...Ужасы, сравнимые, <i>безусловно</i> , только с присутствием в нацистском концлагере» [Минаев 2006: 14]. « <i>Безусловно</i> , не стоит говорить о той части иностранных менеджеров...» [Минаев 2006: 45]. «Но

Продолжение таблицы

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
	<i>безусловный</i>	<i>безусловно</i>, самые стойкие из описанного мной социума...» [Минаев 2006: 47]. «...Он, <i>безусловно</i>, ни о чем таком наверняка не думает» [Минаев 2006: 77]. «Ну, <i>безусловно</i>, не всем» [Минаев 2006: 91]. «Интересным к подобным шоу, <i>безусловно</i>, объясняется низким культурным уровнем» [Минаев 2006: 122]. «Ага. <i>Бэзусловно</i>» [Минаев 2006: 106]. «Нет, <i>безусловно</i>, мое предположение не имеет ничего общего» [Минаев 2006: 130]. «<i>Безусловно</i>, гораздо легче...» [Минаев 2006: 131]. «...<i>Безусловно</i>, самым талантливым сетевым журналистом». «<i>Безусловно</i>, среди них попадаются вменяемые» [Минаев 2006: 147]. «...Они все, <i>безусловно</i>, полные мудаки» [Минаев 2006: 169]. «<i>Безусловно</i>, питерцы гораздо интеллигентнее...» [Минаев 2006: 195]. «Корни всей этой «значимости», <i>безусловно</i>...» [Минаев 2006: 196]. «<i>Безусловно</i>, таким не нужны пятиметровые потолки...» [Минаев 2006: 199]. «...<i>Безусловно</i>, речь не идет о гигантах...» [Минаев 2006: 206]. «Но жалости они во мне, <i>безусловно</i>, не вызывают» [Минаев 2006: 208]. «<i>Безусловно</i>, самым животрепещущим вопросом...» [Минаев 2006: 209]. «...Мы, <i>безусловно</i>, никакие не шейхи...» [Минаев 2006: 265]. «Она, <i>безусловно</i>, желает казаться взрослой» [Минаев 2006: 274]. «Юля опаздывает... что, <i>безусловно</i>, не способствует подъему настроения» [Минаев 2006: 283]. «<i>Безусловно</i>, в конце дня появился...» [Минаев 2006: 341]. «<i>Безусловно</i>, потом в моей жизни было...» [Минаев 2006: 343]. «Расположен он на шестом этаже какого-то бизнес-центра, что по московским меркам <i>безусловный</i> моветон» [Минаев 2006: 272].
Семантика отсутствия (лишенности)	<i>бессилие</i> <i>беспроводной</i> <i>безудержный</i>	«Я в этот момент думаю о... собственном <i>бессилии</i>» [Минаев 2006: 20]. «Куча занимает правый край весьма широкого стола, на котором также пребывают... <i>беспроводная</i> мышь...» [Минаев 2006: 29]. «Уже нет того высокомерия, той <i>безудержной</i> траты...» [Минаев 2006: 47].

Продолжение таблицы

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
	<i>беззаботность</i>	«...На лицах у всех гостей нарисованы успешность и <i>беззаботность</i> » [Минаев 2006: 58]. «...Печать легкости и <i>беззаботности</i> бытия» [Минаев 2006: 88].
	<i>безделье</i>	«Я рассказываю ему о работе... тоске и <i>безделье</i> » [Минаев 2006: 61]. «Мир – созданный для <i>безделья</i> » [Минаев 2006: 142]. «...Здесь атмосфера неторопливого <i>безделья</i> ...» [Минаев 2006: 202]. «...Досталась по наследству ... молодому распиздю, страдающему <i>бездельем</i> ...» [Минаев 2006: 218].
	<i>бесформенный</i>	«...Дядька... с <i>бесформенной</i> сумкой на плече» [Минаев 2006: 84]. «...Ощущением на своем теле вчерашней одежды... измятой и <i>бесформенной</i> » [Минаев 2006: 235].
	<i>бесперспективность</i>	«...Неосведомленность об их <i>бесперспективности</i> » [Минаев 2006: 146].
	<i>бездействие</i>	«...Что могло бы оправдать твоё <i>бездействие</i> » [Минаев 2006: 86]. «И за всем этим – пустота, <i>бездействие</i> ...» [Минаев 2006: 157].
	<i>безналичные</i>	«← Наличные, <i>безналичные</i> – все равно» [Минаев 2006: 98].
	<i>бесперебойный</i>	«...Новые составляющие <i>бесперебойной</i> логистики» [Минаев 2006: 103].
	<i>безлимитный</i>	«...Нового корпоративного <i>безлимитного</i> телефона» [Минаев 2006: 149].
	<i>бессонный</i>	«...К <i>бессонному</i> старперу возвращаться совсем не кайфово» [Минаев 2006: 189].
	<i>безнаказанный</i>	«...Он выказал бы полное неуважение ко мне, что не осталось бы <i>безнаказанным</i> » [Минаев 2006: 203].
	<i>бессистемный</i>	«То же <i>бессистемное</i> брожение сотен людей» [Минаев 2006: 210].
	<i>безнадежно</i>	«...Машет он <i>безнадежно</i> рукой» [Минаев 2006: 214].
	<i>бездуховность</i>	«Мумии объединены общим космосом. ... Имя ей <i>БЕЗДУХОВНОСТЬ</i> » [Минаев 2006: 137]. «← <i>Бездуховно</i> там у вас, – сказал он...» [Минаев 2006: 215].
	<i>бесплатный</i>	«У него там <i>бесплатное</i> образование...» [Минаев 2006: 225].
	<i>безапелляционный</i>	«...Вонзаю в темень комнаты свои <i>безапелляционные</i> , отточенные формулировки...» [Минаев 2006: 231].

Продолжение таблицы

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
	<i>безопасность</i> <i>беспричинный</i> <i>бесчестье</i> <i>безупречно</i> <i>бессонница</i> <i>бессмыслица</i> <i>бессмысленный</i>	«Служба собственной <i>безопасности</i>» [Минаев 2006: 250]. «...При чем тут твоя служба <i>безопасности</i>?» [Минаев 2006: 329]. «Ты будешь иметь дело с моей службой <i>безопасности</i>» [Минаев 2006: 332]. «...Я раздражаюсь, потому что чувствую за него... <i>беспричинную</i> ответственность...» [Минаев 2006: 273]. «...<i>Беспричинная</i> радость или постоянная депрессия» [Минаев 2006: 313]. «Я реально чувствую себя ревизором из... фильма «Кодекс <i>бесчестья</i>»» [Минаев 2006: 246]. «Новое по форме и <i>безупречно</i> правильное по содержанию» [Минаев 2006: 280]. «Мои бедные, измотанные стимуляторами, <i>бессонницей</i>...нервы...» [Минаев 2006: 302]. «Голова у меня очень мутная от <i>бессонницы</i>...» [Минаев 2006: 318]. «Снится мне какая-то <i>бессмыслица</i>» [Минаев 2006: 317]. «...Хорошо бы встретить... знакомого, чтобы сидеть и трепаться часа два, без <i>бессмысленных</i> понтов» [Минаев 2006: 321].
Категория безрезультатности/ нецелесообразности	<i>безуспешно</i> <i>бесполезно</i> <i>бесцельный</i> <i>безмазовый</i> <i>бестолково</i> <i>беспонтовый</i>	«Сотрудники неделями <i>безуспешно</i> осаждают это современное фортификационное сооружение...» [Минаев 2006: 26]. «...Рыпаться <i>бесполезно</i>, все равно ничего не изменить» [Минаев 2006: 85]. «...Возражать человеку, оценивающему темпы роста рекламного рынка ...<i>бесполезно</i>» [Минаев 2006: 165]. «Я...устал от <i>бесцельных</i> тусовок» [Минаев 2006: 92]. «...Все персонажи вели абсолютно <i>бесцельное</i> существование» [Минаев 2006: 217]. «Я...устал от <i>безмазовых</i> выходных» [Минаев 2006: 92]. «...Когда твое существование пусто и <i>бестолково</i>...» [Минаев 2006: 141]. «Страпер... начинает пулять в меня вводными предложениями, совершенно <i>беспонтовыми</i>...» [Минаев 2006: 186].

Продолжение таблицы

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
	<i>бессмысленный</i> <i>бесполезный</i> <i>бесцельно</i>	«...Обзавелся...парой <i>бессмысленных</i> адюльтеров» [Минаев 2006: 195]. «...Прочитать массу полезных и <i>бесполезных</i> книг...» [Минаев 2006: 279]. «...Что, собственно, изменилось в стране за то время, что мы так <i>бесцельно</i> растранижирили?» [Минаев 2006: 281].
Негативная оценка	<i>бездействие и безволие</i> <i>бестолковый</i> <i>безумие</i>	« <i>Бездействие и безволие</i> – вот два бича населения...» [Минаев 2006: 86]. «...Судьба несет тебя в лоно еще более пустых и <i>бестолковых</i> компаний» [Минаев 2006: 141]. «И антуражем этого варварского <i>безумия</i> ...» [Минаев 2006: 211].
Специфика внутреннего состояния	<i>безразличие</i> <i>не беспокоят</i> <i>безразлично-устало</i>	«Я уже даже не пытаюсь скрыть свое <i>безразличие</i> ...» [Минаев 2006: 166]. «...Даже редкие телефонные звонки... не <i>беспокоят</i> меня» [Минаев 2006: 173]. «И мне... по-особенному спокойно и <i>безразлично-устало</i> » [Минаев 2006: 311-312].
Категория неопредельности	<i>беспредел</i> <i>бескрайний</i> <i>безграничный</i>	« <i>Беспредел</i> местных чиновников...» [Минаев 2006: 156]. «Чукчи, высыпавшего своих оленей на <i>бескрайних</i> нефтяных полях...». – <i>Бескрайнего</i> ... Крайнего... [Минаев 2006: 222]. « <i>Безграничная</i> щедрость, порожденная <i>безграничной</i> же пустотой...» [Минаев 2006: 343].
Физическое состояние	<i>обессиленно</i> <i>безмятежно</i>	«– Какая еще собака? – спрашиваю я <i>обессиленно</i> » [Минаев 2006: 176]. «И вот эти <i>безмятежно</i> сопящие дети...» [Минаев 2006: 278]. «...Спят с <i>безмятежно</i> красивыми лицами...» [Минаев 2006: 341].
Категория долженствования	<i>бездельничать</i> <i>беззаботность</i>	«...Мне сегодня надо гулять, болтать и всячески <i>бездельничать</i> » [Минаев 2006: 91]. «Здесь гораздо лучше быть <i>беззаботным</i> ...» [Минаев 2006: 195].
Чувственное восприятие/ощущение	<i>безысходность</i>	«...Тексты, полные инфернальной <i>безысходности</i> ...» [Минаев 2006: 148]. «...Меня начинает буквально сплющивать от ужаса... <i>безысходности</i> » [Минаев 2006: 309]. «И у меня полное чувство <i>безысходности</i> ...» [Минаев 2006: 336].

Продолжение таблицы

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
Эмоциональное состояние	<i>безысходность</i> <i>безумно</i>	«...Рыдать от <i>безысходности</i> и серого неба...» [Минаев 2006: 195]. «...И мне <i>безумно</i> обидно и жалко себя до слез» [Минаев 2006: 269].
Категория оценочности	<i>безвкусно</i> <i>безумно</i>	«...Достаточно <i>безвкусно</i> исполненные) визитные карточки» [Минаев 2006: 119]. «...Она <i>безумно</i> сексуальна» [Минаев 2006: 84].
Количественная неопределенность	<i>бесчисленный</i>	«...Челу пришлось взять кредит в банке для латания <i>бесчисленных</i> дыр в своем бюджете» [Минаев 2006: 22]. «Это они – герои <i>бесчисленных</i> анекдотов...» [Минаев 2006: 37]. «Или в <i>бесчисленных</i> забегаловках...» [Минаев 2006: 238].
Усилительная характеристика (маргиналий)	<i>бесперспективняк</i> <i>бесперспективность</i> <i>безобразие</i> <i>бессмертный</i> <i>безумный</i> <i>безнадежно</i> <i>бездуховный</i> <i>бесповоротный</i>	«Я слушаю весь этот <i>бесперспективняк</i> и, чтобы вконец не окосеть...» [Минаев 2006: 15]. «...Я занывал в мир маргинальности, чтобы понять – далеко ли я ушел от его <i>бесперспективняка</i> » [Минаев 2006: 151]. «...Осознав <i>бесперспективность</i> своих желаний...» [Минаев 2006: 85]. «И обоим очень неудобно, что я «смог пропустить такое <i>безобразие</i> ...» [Минаев 2006: 42]. «...Смотрящая на это <i>безобразие</i> толпа...» [Минаев 2006: 121]. «Ну и частенько все заканчивалось как в <i>бессмертном</i> труде...» [Минаев 2006: 46]. «Полный <i>безумных</i> идей...» [Минаев 2006: 58]. «Им платили <i>безумные</i> (особенно в сравнении с их родными странами) зарплаты...» [Минаев 2006: 46]. «Мальчик мой... мне так хочется погладить тебя по твоей <i>безумной</i> голове» [Минаев 2006: 268]. «Во времена, когда город <i>безнадежно</i> измениться, потеряет свою патриархальность, самобытность, свой особый диалект с «булошными» и «лавками» наших бабушек...» [Минаев 2006: 89]. «Да и те <i>безнадежно</i> забыты» [Минаев 2006: 123]. «Глядя на <i>бездуховные</i> лица...» [Минаев 2006: 138]. «...Начнется окончательный и <i>бесповоротный</i> пиздец...» [Минаев 2006: 224].

Продолжение таблицы

Семантико-мотивационный модуль	Префиксальные языковые конструкции	Пример функционирования в прозаическом тексте
	<i>бесподобный</i>	«Я реально чувствую себя ревизором... из <i>бесподобного</i> фильма...» [Минаев 2006: 246].
	<i>бездарно</i>	«... Чья жизнь была столь <i>бездарно</i> растрачена» [Минаев 2006: 282].
	<i>беспорядочный</i>	«... Между кадрами « <i>беспорядочные</i> половые связи»...» [Минаев 2006: 283]. «... Имел <i>беспорядочные</i> половые связи, отвратительно спал...» [Минаев 2006: 284].
	<i>беспредел</i>	«... Нас тут с брателлой по <i>беспределу</i> швырнули» [Минаев 2006: 327].

Приложение Б

Оппозиционные лексические единицы, составляющие ядро лексико-семантического поля «духовность» – «бездуховность»

Духовность	Бездуховность
желание быть рядом «Я готов бродить с ней часами вокруг Патриарших или каких-нибудь других прудов, что мне хочется звонить ей каждое утро, а еще лучше просыпаться с ней. ...Я смотрю на нее, улыбаюсь... мне совершенно не хочется расставаться с ней сегодня. ...Я уже начинаю скучать по ней» [Минаев 2006: 94]. «– Юля... ты знаешь, я себя сейчас чувствую как маленький мальчик. Хочется поехать в гостиницу и спать в обнимку с телефоном. С твоими эсэмэсами, с твоим голосом... Юленька... Я скучаю по тебе. ...Я понимаю, что больше всего на свете я хочу оказаться ТАМ, рядом с ней» [Минаев 2006: 262].	отдалять «Не жизнь, а муть какая-то. Ты тоже сюда хочешь? Тебе это нужно? Я иначе не могу объяснить твоей тяги ко мне. Тебе стоит возвратиться обратно. Ты не видишь, как я тебя затягиваю во все это уебанство? Во весь этот мир, отксеренный с полотен Гойи? Ты хочешь стать таким же уродом, как и я? Не хочешь? Ну, тогда иди, вставай и иди, смотри, чтобы ноготок не увяз в десерте, как у птички» [Минаев 2006: 287-288].
любовь «... Она мне говорит по телефону все эти удивительные вещи, у меня на душе становится тепло и маслено. И я понимаю, что я не один...» [Минаев 2006: 262]. «И я посылаю ей еще более трогательное эсэмэс, сравнивая ее с ангелом, и пишу ей еще сто шестьдесят знаков собственных чувств. И меня распирает от нежности и романтики ситуации, и мне хорошо, как в детстве, когда мама укрывала меня, спящего, одеялом» [Минаев 2006: 268].	ревность «Я слышу, как у нее фоном звучат какие-то голоса, и мне на секунду кажется, что некоторые голоса мужские. И что-то такое царапает мне грудь изнутри. ...Я на самом деле стараюсь успокоиться. Но бикфордов инур уже запален, и от ощущения факта того, с КАКИМИ на самом деле подругами она там тусуется, мне становится горячо в горле» [Минаев 2006: 262]. «И я думаю о том, что совершенно запросто сегодня утром она получает мое эсэмэс, просыпаясь на груди другого мужчины... У меня стоит комок в горле и слезы в глазах, хотя я совершенно отчетливо понимаю, что ревность весьма деструктивна» [Минаев 2006: 269].
девушка «Я решаю позвонить своей знакомой девушке, Юлии, которая ... является для меня одновременно собеседницей такого рода, психоаналитиком и объектом для вздыханий на расстоянии...» [Минаев 2006: 87]. «Ты мила той самой чистотой и наивностью, которая осталась в наше время только у женщин из тургеневских романов» [Минаев 2006: 109].	телка «...Много проституток, выдающих себя за честных девушек... я зову эту категорию особей женского пола the telki» [Минаев 2006: 15-16]. «...Продажными телками, готовыми отдаться тебе через пять минут в туалете или через пятнадцать минут у тебя дома – в зависимости от того, часы какой марки у тебя на руке в данный момент» [Минаев 2006: 128].

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
«Тебе ведь не нужны деньги, всякие пошловатые по форме, но так точно отражающие суть подарки... Ты не в тусовке...» [Минаев 2006: 285]. «...Ты же богиня... тогда чего ты тут делаешь? ...Ангелам не место в грязи. ...Не фиглярствует, как все эти куклы...» [Минаев 2006: 288].	«Смеются нашим шуткам, позволяют тискать их обеих, лезут ему под футболку, целуют его, в общем, стараются выглядеть не хуже иных порно-звезд» [Минаев 2006: 265]. «...Хлопает ресницами, делает лицо робкой дебютантки порноиндустрии...» [Минаев 2006: 305].
человеческое состояние	образ собаки
«...Мы катались тут зимой на коньках, целовались весной в переулках вокруг прудов, пили вино» [Минаев 2006: 88]. «Множество людей, неспешно гуляющих вокруг пруда или сидящих на лавочках...» [Минаев 2006: 89].	«Люди семят, пытаюсь не опоздать на работу, многие на ходу лопочут по мобильникам, постепенно втягивая свои невыспавшиеся мозги в утреннюю суету города» [Минаев 2006: 24]. «...За какие копейки мы все тут в Москве пашем, как над нами издеваются...» [Минаев 2006: 106].
занятость	нечем заняться
«Стол, как всегда, завален кучей бумаг, символизирующих...мою круглосуточную занятость» [Минаев 2006: 28]. «У самого дел в Москве по горло. Мечешься, как сраный веник, а работы все равно не уменьшается» [Минаев 2006: 242].	«...Нечем занять вечер и нужен собутыльник, чтобы просадить в кабаке очередную сотен денег» [Минаев 2006: 13]. «Я от нечего делать начинаю разглядывать окружающих пассажиров» [Минаев 2006: 334].
щедрость	жадность
«– Ух ты, это на презентацию Листа, что ли? – берет у него глянцевый листок бумаги другой чувак. – А у вас, случайно, нет еще проходочки? – А она тебе нужна? – Ага. Я бы сходил с удовольствием. – Ну, тогда берите все. Берите, берите...» [Минаев 2006: 333]. «Я, вероятно, единственный человек на земле, который, получив возможность реализации любого желания, готов отдать магический «цветик-семицветик» другому» [Минаев 2006: 343].	«...Здесь каждый за рубль удавится...» [Минаев 2006: 108]. «Все-таки жадность в этом человеке доминирует над трусостью...» [Минаев 2006: 249]. «...В придачу к тицеславию Вадим обременен потрясающей жадностью к деньгам» [Минаев 2006: 329].
здоровый образ жизни	нездоровый образ жизни
«Все очень спортивные, слегка загорелые... Одним словом, молодые боги, с шикарными спортивными телами, пышущими здоровьем...» [Минаев 2006: 65]. «– Тридцать подходов, как обычно, брали у Вани, как всегда, она на диете по Волкову – полностью раздельное питание...» [Минаев 2006: 66].	«Я убираю одну дорожку самостоятельно. Традиционно несколько раз втягиваю ноздрями воздух, чтобы остатки вещества всосались в носоглотку, и говорю всего одно слово: – Ад! Кокаин в самом деле очень хорошего качества» [Минаев 2006: 68]. «Мой рассудок (несколько расслабленный

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
«Я тебе всегда говорил – надо употреблять только продукты, отмеченные знаком «грюнепункт». ...Посему – только натур-продукты» [Минаев 2006: 223]. «Я не пью, не курю, девушками не интересуюсь» [Минаев 2006: 246].	алкоголем и кокаином)...)» [Минаев 2006: 73]. «Я скуриваю остаток, и мне уже совсем хорошо, нега расплывается по всему телу...» [Минаев 2006: 214]. «Я прямо-таки по-гусарски, залпом выпиваю коньяк, и мне становится отчаянно весело» [Минаев 2006: 244].
духовное прозрение	трагическое разочарование
«...Я начинаю ощущать такое позабытое мной чувство благодарности» [Минаев 2006: 76]. «У меня тут же почему-то екает в груди. Я начинаю думать о том, что, в сущности, нет ничего более отвратительного, чем издеваться над чужими чувствами» [Минаев 2006: 160]. «...Просветление мгновенной вспышкой озарило мое сознание...» [Минаев 2006: 215].	«...Во мне просыпается стыд. От того, как мерзко я ныл ей по телефону, от того, как я провел эту ночь, а главное, от того, что я на долю секунды допустил, что она пропитана всем этим лицемерием и враньем, как и я» [Минаев 2006: 268]. «Мне настолько стыдно, я так себе противен и мерзок из-за этой истерики, что готов утопиться в этом пруду...» [Минаев 2006: 290]. «Я разбит, я раздавлен всем этим дерьмом, которое сам же и воспроизвожу денно и ночью» [Минаев 2006: 310].
жизненность	мертвенность
«...Я уже сижу таким живчиком в ресторане...» [Минаев 2006: 272]. «Мы идем, такие молодые, красивые, полные устремлений и перспектив» [Минаев 2006: 279].	«...Сам я, после произошедших в начале недели событий, настолько одеревеневший, что со стороны похож на труп»... Да, реально, я благодарный мертвец [Минаев 2006: 107]. «Я впадаю в такой ступор, что становлюсь похожим на Железного дровосека» [Минаев 2006: 185].
личность	обезличенность
«...На его щеках снова появляется молодецкий румянец» [Минаев 2006: 248]. «Весь процесс размышлений отражается складками на его лбу и желваками на скулах» [Минаев 2006: 250]. «...Оживляются, на их щеках откуда ни возьмись вновь появляется румянец. Глаза искрятся» [Минаев 2006: 264].	«Все здесь говорят одними губами, остальная часть лицевых мышц просто не задействована. Лица не отображают ни веселья, ни грусти, ни восторга, ни разочарования. Они просто неживые» [Минаев 2006: 55]. «...Брожение сотен людей, с отсутствующими лицами тащащих перед собой тележки...» [Минаев 2006: 210]. «А он стоит, как кремлевский караульный, с отсутствующим лицом и блуждающей улыбкой» [Минаев 2006: 304].

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
вера	неверие
«Я просто начинаю верить, что многие вещи еще имеют ценность и все гораздо проще и, местами, честнее, чем я думаю» [Минаев 2006: 76]. «...Все должно измениться и я очень в это верю» [Минаев 2006: 91].	«Никто никому не верит» [Минаев 2006: 269]. «Я поворачиваюсь к залу и громко говорю: «НИКОМУ НЕ ВЕРЬТЕ, ЛЮДИ! БУДЬТЕ БДИТЕЛЬНЫ, НЕ ИСКЛЮЧЕНО, ЧТО ВАС ОБМАНЫВАЮТ!»» [Минаев 2006: 271].
высокие душевные качества	низменные душевные качества
«И мне хочется чем-то его отблагодарить, хотя он, безусловно, ни о чем таком наверняка не думает» [Минаев 2006: 77]. «...Я понимаю, что издеваться теперь уже точно пора заканчивать, и говорю ему: – Ладно, Вова, проехали» [Минаев 2006: 251]. «...Мне очень хочется сделать какое-нибудь необязательно доброе дело. Я ощущаю такой душевный подъем, от которого хочется строить заводы и фабрики» [Минаев 2006: 291]. «...Я думаю о том, что весь этот балаган нужно заканчивать» [Минаев 2006: 349].	«...Его обуревают те же чувства тщеславия и тяги к клубному бизнесу» [Минаев 2006: 80]. «К людям надо относиться так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе. Ширять наркотиками до передоза, рвать бензопилами, пытать паяльниками, спаивать алкоголем и заставлять спаиваться с собаками» [Минаев 2006: 161]. «...Желаю ему провести остаток времени до моего приезда в адских мучениях» [Минаев 2006: 200]. «...Мне их совсем не жалко, и я желаю им скорейшего банкротства, впрочем, как и всем остальным присутствующим» [Минаев 2006: 208].
честность	обман
«Я рассказываю ему о работе, своих перманентных телках, наркотиках, московских клубах, потере духовных ориентиров, тоске и безделье» [Минаев 2006: 61]. «Я рассказываю ей про свое попадалово с кокаином, про ментов, про жуткий стресс, про грядущий клубный проект, стагнацию в бизнесе клубной жизни Москвы» [Минаев 2006: 91]. «Да и, честно говоря, не особо хотел концы прятать» [Минаев 2006: 246].	«Я киваю и под предлогом того, что мне нужно проститься перед уходом с Сашкой, встаю и ухожу» [Минаев 2006: 126]. «Я всех обманываю, меня все обманывают» [Минаев 2006: 269]. «Мы понимаем, что обмануты тут все по кругу, и остается один выход – просто повеситься» [Минаев 2006: 270].
радость	страдание
«...Мы достаточно тесно общались, и это его сегодняшнее появление меня очень сильно обрадовало» [Минаев 2006: 58]. «...Я веселею, продолжаю свой путь гораздо более уверенной походкой...» [Минаев 2006: 317].	«...Все готовы заниматься самобичеванием, покрывать спины свои рубцами, носить власяницы, в общем, нести все страдания ради... выписки по твоему личному счету» [Минаев 2006: 104]. «И тут, внезапно для себя, я начинаю рыдать. Натурально, слезы текут по моему лицу, я их размазываю рукавом куртки... клопочу горлом и хлопаю носом» [Минаев 2006: 128].

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
друг	собутыльник
«Его хочется слушать, и самое плохое настроение само собой улетучивается. В общем, Мишка – тот человек, которого ты хочешь непременно иметь в друзьях, еще лучше – в близких... Я жалею ему на вечную тоску, мертвость, окружающих, их лицемерие и пошлость» [Минаев 2006: 62]. «Мы с моим другом Тимуром, десятилетние пареньки, одетые в желтые футболки с надписью «Ринг», играю в футбол [Минаев 2006: 344].	«Я сижу со своим Тимуром, одним из тех знакомых, которых все называют друзьями, конечно, никакие они не друзья, а просто люди, которым ты звонишь, когда тебе нужен собутыльник» [Минаев 2006: 13].
дружба	вражда
«...Нас объединяли совместные интересы в литературе, кино, спорте, музыке. Мы говорили о политике, таскались на какие-то выставки современного искусства, пили в скверах, ездили на дискотеки, посещали рок-концерты, обсуждали наши первые карьерные успехи и неудачи. Мы даже отдыхать ездили вместе довольно часто. ...Мы лучшие друзья и у нас много общего...» [Минаев 2006: 79]. «Перманентно мы говорим тосты, обнимаемся, и каждый старается передать другому эмоциональный заряд из успешности, счастья и радости. И все мы выглядим как студенческие друзья...» [Минаев 2006: 99]. «Мы оба долго смеемся, стартовое дружелюбие беседы возвращается, и мы собираемся продолжить вечер в обстановке полного доверия и взаимопонимания» [Минаев 2006: 166].	«Мы с Гарридо уже три года живем в режиме «фронт без линии фронта» всячески пакостим друг другу, тратим время на подставы и ругань, вместо того чтобы заниматься делом. ...Наша война то затухает, то разгорается вновь» [Минаев 2006: 40-41]. «...Его спина источает ненависть по отношению ко мне» [Минаев 2006: 50]. «...Мы бьемся в кровь друг с другом, отстаивая собственные взгляды на переустройство страны» [Минаев 2006: 280].
ясность	туманность
«...У меня возникает абсолютная ясность мышления, позволяющая мне весьма четко отвечать на поставленные вопросы» [Минаев 2006: 73]. «...Я научился четко выделять из всего его словесного винограда основную мысль...» [Минаев 2006: 214-215].	«Первые мысли, посетившие мои затуманенные мозги: каким образом охрана пустила в клуб этих лохов...» [Минаев 2006: 68]. «...Ходишь потом с затуманенными мозгами, притупленной бдительностью и говоришь глупости» [Минаев 2006: 233].
альтруизм	садизм
«Я приседаю рядом, обнимаю его за плечи и пытаюсь каким-то образом вернуть его в реальность, говоря ему веселым голосом всю эту откровенную ерунду, хотя мне ни капли не смешно, более того, в горле стоит комок и хочется плакать...» [Минаев 2006: 301].	«Я так себе и представил, как она бахнется лбом об стол, услышав сумму моего бонуса» [Минаев 2006: 106]. «...Мне хочется верить, что это начал гнить Вадим. ...Мне кажется, что он сидит и плачет. И это повышает мою самооценку»

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
«Я, как могу, пытаюсь шутить и утешать его, понимая, что он переживает настоящую драму» [Минаев 2006: 328].	[Минаев 2006: 332].
вежливость	хамство
«...Я чересчур вежлив. Вежлив до такой степени, что иногда здороваюсь по несколько раз с одними и теми же людьми» [Минаев 2006: 28]. «...Я очень уважительно его выслушал и вежливо поинтересовался, погиб ли у него кто-то во время блокады» [Минаев 2006: 196].	«Мы смеемся и ведем себя совершенно неприлично» [Минаев 2006: 260]. «Я встаю из-за стола, иду к выходу, строя рожи окружающим и дразня языком хостесс» [Минаев 2006: 271].
сентиментальность	цинизм
«И всю дорогу я сижу совершенно расклеившийся от нахлынувшей сентиментальности» [Минаев 2006: 198]. «Я, обливаясь слезами, всю дорогу домой задавал бабушке вопросы: неужели собачка больше не проснется?» [Минаев 2006: 342].	«Я встречаюсь глазами со старпером и вижу в них испуг раненной птицы... меня охватывает истерический хохот. Меня сгибает пополам, и я начинаю гоготать на весь зал» [Минаев 2006: 17]. «Вдоволь поиздевавшись над ними и их незнанием рынка... я еще месяц переглядывался с написавшим этот отчет работником, улыбаясь нашему общему с ним розыгрышу» [Минаев 2006: 32-33].
мораль	сатира
«С людьми надо по-людски. Без вывертов. Я всю жизнь общался нормально со всеми. ...И не выебывался никогда» [Минаев 2006: 253].	«Я стал глумиться над его обитателями, всячески издеваться и унижать их, выставляя на вид их несостоятельность в реале» [Минаев 2006: 151].
желание изменений	невозможность изменений
«В нашей жизни имеется некоторое количество моментов, когда ты... загораешься, чтобы сделать что-то особенное. Перейти свой Рубикон, поднять планку и так далее. Сменить работу, поменять подругу, уехать в другую страну. Одним словом, ЧТО-ТО ИЗМЕНИТЬ» [Минаев 2006: 85]. «...Я очень хочу, чтобы здесь все изменилось. Чтобы гаишнику не нужно было давать денег, чтобы хорошие дороги, чтобы таможенники на прилете из Милана не выворачивали чемоданы, чтобы чиновник не ассоциировался с вором, чтобы приход пожарника в офис не означал бы «бутылку коньяка и сопочку зелени»» [Минаев 2006: 254]. «...Единственное, что мне хочется – так это заскочить в любой пришедший поезд и уехать отсюда побыстрее» [Минаев 2006: 335].	«...Ты понимаешь, что рыпаться бесполезно, все равно ничего не изменится. Ты все больше попадаешь в плен заскоруждлых идей разряда «всяк сверчок – знай свой шесток», «где родился – там и сгодился» и прочих мерзостей, подрезающих человеку крылья с рождения» [Минаев 2006: 85]. «И я не хочу никуда уезжать, я хочу, чтобы все это было здесь, в России» [Минаев 2006: 255].

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
настоящий герой	испорченный персонаж
«Я... открываю дверь офиса, источая из себя флюиды вечных ценностей, таких как: пунктуальность, служебное рвение, начальственная мудрость и забота об интересах Компании» [Минаев 2006: 26]. «...Из второго зала выплывает настоящий герой Fashion TV, воплощение клубной культуры и night fever style, человек из первой пятерки московских клубных промоутеров – Миша по прозвищу VooDoo» [Минаев 2006: 57]. «...Мишку не изменил ни статус, ни деньги, ни амбиции» [Минаев 2006: 76]. «...Такой всеобъемлющий персонаж, вечно сражающийся со злом. Как Бэтмен в Штатах» [Минаев 2006: 224].	«Даже такой испорченный персонаж, как я, не смог бы додуматься о сравнении кукурузы и наркотика» [Минаев 2006: 42]. «Меня постепенно накрывает алкоголем, мне как-то очень весело и похотливо» [Минаев 2006: 125]. «...Я обзавелся... еще большим количеством скандальных историй с хулиганством в клубе, дракой на домашней вечеринке...» [Минаев 2006: 195]. «Обжирался алкоголем и наркотиками, имел беспорядочные половые связи...» [Минаев 2006: 284].
креативность	бездарность
«В целом у молодого, образованного парня с креативным мышлением блестящие перспективы» [Минаев 2006: 273].	«О каком командном духе может идти речь в этом коллективе... бездарных лодырей с комплексом Наполеона?» [Минаев 2006: 110].
действительность	иллюзия
«Мне так хорошо, я настолько умиротворенно себя ощущаю, что чуть не прожигаю себе брюки. Тлеющая сигарета обжигает мне пальцы и возвращает в действительность» [Минаев 2006: 64-65].	«И кажется, что время остановилось... И счастью не будет конца... И все уверены, что эта party никогда не закончится...» [Минаев 2006: 59].
свобода	рабство
«Начались все эти движухи в виде «депутатских групп», «прав наций на самоопределение», «парада суверенитетов» и прочего. В воздухе реально, как никогда ранее, запахло СВОБОДОЙ. Теперь мы не только будем жить в счастливом, но и в по-настоящему свободном обществе. ...Говорить не шепча, слушать и читать не то, что рекомендовано, а то, что нравится. ...Вот оно, свершилось, доселе невозможное в России словосочетание – СВОБОДА и БЛАГОДЕНСТВИЕ» [Минаев 2006: 279].	«...Я устроил диктатуру корпоративного рабства, замешенного на жути совковой министерской эстетики. ...Превращая их в крепостных рабов, ежедневно несущих своим хозяевам оброки в виде собственного здоровья, чувств и эмоций» [Минаев 2006: 24].
забота	безразличие
«Он меня спрашивает приторным голоском: «Что-то случилось? Может, помощь нужна?»» [Минаев 2006: 128]. «Жена десять раз на дню спрашивает его, не забыл ли он положить тапочки...» [Минаев 2006: 184].	«...Ответы никто не слушает и сразу переходит к рассказу о собственном отдыхе» [Минаев 2006: 54]. «Все спрашивают друг друга: «А какое сегодня число, а какой сегодня день недели?» А в ответ слышат: «Да какая разница?»»

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
«...Я провожу еще минут тридцать с председателями компании... спрашиваю их про трудности в работе, про ожидания... и про проблемы дистрибуции» [Минаев 2006: 210]. «Заботиться о гражданах – мой долг» [Минаев 2006: 233].	[Минаев 2006: 58]. «Всем настолько фиолетовы речи докладчика...» [Минаев 2006: 104]. «...Любая человеческая катастрофа, будь то наводнение, землетрясение или столкновение с кометой, – ничто...» [Минаев 2006: 135].
помощь	вред
«И мне нестерпимо захотелось чем-то, пусть самым малым, помочь президенту» [Минаев 2006: 232]. «Хорошие люди должны друг другу помогать...» [Минаев 2006: 247].	«...Врагам вашим навредить каким-нибудь образом. ...Давайте я в Лимонова кину пакетиком кетчупа? Нет, тремя!.. Или хотите... я скину его портрет из окна...?» [Минаев 2006: 232].
нормальные люди	люди-пустышки
«...Они нормальные люди, у них есть мечты, «души прекрасные порывы», проблемы и жизненные заботы» [Минаев 2006: 130]. «...Они – НАСТОЯЩИЕ, проникнутые духовностью люди. Неординарные, мыслящие человеки, которые вот-вот сомкнут свои ряды и сметут с лица земли всю эту серую массу мещан...» [Минаев 2006: 149]. «...Проводят жизнь в поисках смысла человеческого существования, в поисках очищения души от материальной скверны, их жизнь озаряется невидимым простому человеку духовным светом» [Минаев 2006: 217]. «Первое поколение с золотым будущим. ...Мы были образованы, мы были высокодуховны, мы проводили все эти годы в спорах о судьбах нации, уроках истории и построении будущего страны» [Минаев 2006: 280].	«...Этих людей просто нет. ...Пространство внутри Садового кольца... подобие компьютерной игрушки, населенной людьми-пустышками. ...Они поняли, что легче превратиться в персонажей гламурных журналов, героев и героинь танцпола, фей подиума и ресторанных рыцарей ножа и тарелки. Постоянные лучи софитов отучили их глаза воспринимать дневной свет, лампы солярия сделали невозможным нахождение на дневном солнце, тонны парфюмерии и косметики вкупе с наркотиками и диетами постепенно иссушали их тела, а актуальные журналы и развлекательное телевидение сделали то же самое с их мозгом. ...Они превратились в тени людей, в некое подобие невидимок, которые могут выходить из дома только в ночное время суток, когда искусственное освещение скрывает то, что под оболочкой из макияжа, платья... – скрыта пустота. ...Их лица просто нарисованы...» [Минаев 2006: 130]. «Такие люди не бывают преданы или обязаны. Они могут быть должны или унижены страхом. И еще очень злопамятны и будут точить на тебя нож до самой смерти» [Минаев 2006: 252]. «Толпы идиотов, считающих целью своей жизни получение всех возможных клубных карточек или всех наибольших дисконтов в бутиках обеих столиц» [Минаев 2006: 267]. «Поколение Франкеништейнов, пожирающее своих создателей» [Минаев 2006: 280].

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
люди-жаворонки	мумии
«...На улице появляются первые люди-жаворонки, ведущие выгуливать своих собак» [Минаев 2006: 319]. «Они похожи на волнистых попугайчиков, сидящих на жердочке. Все такие разноцветные, в ярких куртках и кроссовках» [Минаев 2006: 333].	«Мумии объединены общим космосом. Общей религией. Имя ей – БЕЗДУХОВНОСТЬ» [Минаев 2006: 137]. «...Смыслом жизни для мумий является потратить за один день все заработанное на еду, аксессуары и одежду» [Минаев 2006: 138].
Питер	Москва
«Мы окружены здесь памятниками истории (которые любим до такой степени, что готовы будем до хрипоты противиться сдаче их в аренду коммерческим структурам до тех пор, пока они окончательно не развалятся)...» [Минаев 2006: 197]. «– Тут у нас Васильевский остров, Нева, духовность» [Минаев 2006: 215]. «...Тут у нас на каждом доме мемориальная доска, и подпирает она собой некую высшую духовность» [Минаев 2006: 215]. «Город-то красивейший. Потрясающий город-то какой» [Минаев 2006: 233].	«Однажды я прогуливался по улицам города с питерским знакомым, который с увлечением доказывал мне, как здесь хорошо, «а там в Москве жуть одна»» [Минаев 2006: 196]. «Вместо коров на улицах – стада джипов с быками внутри, в ресторанах – пастбища гламурных коз. В головах – деньги да карьера. ...Тусы да клубы одни» [Минаев 2006: 213]. «– Мишка, кстати, а почему ты в Москву не переезжаешь? – Бездуховно там у вас, – сказал он... . А в Москве? Одни бутылки да кабаки...» [Минаев 2006: 215]. «...Это у тебя в Москве люди выбирают между... кабаком и кабаком покруче» [Минаев 2006: 223].
питерцы	москвичи
«Они – особенные. ...Гораздо более культурные и менее замороженные на всех этих плотских удовольствиях, чем москвичи. ...Питерцы гораздо интеллигентнее, образованнее и человечнее прочих жителей России» [Минаев 2006: 195].	«Мы – москвичи... Молодые и агрессивные представители московского социума – похожи на крыс, пожирающих друг друга. Поскольку все мы уже давно отравлены ядами цинизма, пошлости и человеконенавистничества, накопившимися в нашем организме за столь недолгую жизнь, то, пожирая друг друга, мы все вымрем в конце концов» [Минаев 2006: 339].
общение	набор кодовых фраз
«Мне нравятся наши разговоры о глобальных проблемах человечества, исторических уроках, судьбах Родины, народа и всего такого, о чем можно говорить только с людьми, не стоящими насмерть на баррикадах своего материального благополучия. После подобных вечеров я несколько недель хожу с ясной головой. Будто верховный Системный Администратор очистил жесткий диск в моей голове от накопившегося там спама. ...Такая	«Способы общения мумий должны быть максимально просты. Чтобы не совершать ненужные и затруднительные манипуляции мозговыми извилинами, существует набор кодовых фраз, при произнесении которых другой мумии становится понятным весь смысл беседы. Например, когда встречаются две девушки-мумии и одна говорит другой, садясь за стол и целуя подругу в щечку:

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
<i>метаморфоза происходит со мной именно после общения...» [Минаев 2006: 212].</i>	<i>– Прости, опоздала. Вот, – ставит на стол сумку, – в Третьяковке. Подруге сразу становится понятно, что опоздавшая посещала бутики «Mercury» в Третьяковском проезде. Купила там себе пару сумок, потом зашла попить кофе в T.R.E.T.Y.A.K.O.V Lounge, потом еще посмотрела обувь в «Gucci» и вот, опоздала» [Минаев 2006: 132].</i>
спокойствие	сумасшествие
<i>«Я стараюсь говорить как можно более спокойно и жизнерадостно. – Мы сейчас с тобой сядем и ВМЕСТЕ что-то придумаем» [Минаев 2006: 301].</i> <i>«Попробовать сесть, успокоиться, попить минеральной водички, скушать печенье и подумать головой...» [Минаев 2006: 301].</i> <i>«Я успокаиваю себя тем, что все образуется, что это просто такой отвратительный период, что мне лишь необходимо уехать отдохнуть и потом все снова будет хорошо» [Минаев 2006: 318].</i> <i>«Сажусь в кресло и начинаю себя успокаивать: «Ничего не происходит. Это просто сбой на линии. Пройдет некоторое время и все наладится»» [Минаев 2006: 320].</i>	<i>«Я сажусь на пол и закрываю лицо руками. ...У меня случается приступ смеха. Я валюсь на спину и гогочу во всю глотку. Я смеюсь так, что слезы брызжут. Я хватаю телефон и кидаю его в зеркало с диким хохотом. ...Меня просто колотит от смеха» [Минаев 2006: 170]. «...Паранойя уже всосалась в мою кровь, подобно пузырькам шампанского. И мне хочется убежать, спрятаться от всех» [Минаев 2006: 269].</i> <i>«Я действительно losing my mind...» [Минаев 2006: 285].</i> <i>«Мои бедные, измотанные стимуляторами, бессонницей... нервы наконец не выдерживают. ...У меня конкретно сносит башню, сносит до такой степени, что я готов двинуть ему сейчас в голову» [Минаев 2006: 302].</i>
шанс	упущенный шанс
<i>«И для меня это шанс. ...Шанс начать другую жизнь, шанс работать с ДРУГИМИ людьми, шанс поменяться...» [Минаев 2006: 100].</i>	<i>«Чувак, упустивший единственный шанс быть вытащенным за уши из всей этой помойки, сидит по самую макушку в дерьме...» [Минаев 2006: 289].</i>
героизм	подлость
<i>«...Не много найдется Матросовых, способных собственной грудью броситься на амбразуру секретариата с гранатой в руках, чтоб оградить их от хамства, нежелания работать и проблем» [Минаев 2006: 26].</i> <i>«...В сегодняшней ситуации я мог бы отдать многое» [Минаев 2006: 76].</i> <i>«...Я им скажу какую-то основополагающую истину, способную перевернуть их жизнь» [Минаев 2006: 334].</i>	<i>«...Я полдня разводил ее на местном форуме, посылал по почте фотографии мачо. ... ухохотался я тогда неплохо» [Минаев 2006: 28].</i> <i>«Нет, ты сначала всю кровь выпьешь, поглумишься... Тебе нравится над людьми издеваться...» [Минаев 2006: 253].</i> <i>«И вот мы гадничаем, высмеиваем их...» [Минаев 2006: 260].</i>

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
культурные ценности	материальные блага
«Я читаю Уэльбека, Эллиса, смотрю старое кино с Марлен Дитрих... И свои первые деньги я потратил не на «бэжу» четырехлетнюю, как у пацанов, а на поездку в Париж» [Минаев 2006: 254]. «...Сходил бы в зоопарк» [Минаев 2006: 261]. «...Сажусь у окна, заказываю себе кофе и начинаю читать газету» [Минаев 2006: 326].	«– За деньгами я всегда смогу, брат, за деньгами-то – да» [Минаев 2006: 180]. «– Деньги, Вадим, деньги. ...Это бьет по мозгам круче любого наркотика, брат...» [Минаев 2006: 181]. «...Деньги нужны только... «Для получения качественных удовольствий»...» [Минаев 2006: 302].
стремление к занятости	пустота
«На часах семь утра, и мне нужно себя чем-то занять» [Минаев 2006: 318]. «Мне необходимо чем-то себя занять. Мне необходимо за что-то зацепиться» [Минаев 2006: 320].	«...Я впал в традиционное для себя состояние пустоты, когда снова жутко скучно и единственным желанием остается, чтобы твой собеседник молчал» [Минаев 2006: 15]. «Я понимаю, что пустота вокруг меня достигла своего апогея. Пустота стала абсолютной» [Минаев 2006: 321].
богатый внутренний мир	бедный внутренний мир
«О, как это все мне... интересно и ново. Споры о современной русской литературе, устройстве общества, борьбе с транснациональными корпорациями, массовой культурой, пути Новой России, противостояние Западу» [Минаев 2006: 148]. «Я пытаюсь говорить о любви, о простых и таких важных человеческих чувствах...» [Минаев 2006: 267].	«Воистину, мы все здесь БЕДНЫЕ ДУХОМ» [Минаев 2006: 137]. «...Я произнес сногшибательную такую речь, речь, полную гениальных параллелей и ответов на загадки мирового масштаба, контркультурную такую речь, из тех речей, что случаются один раз, в состоянии алкогольного или другого опьянения...» [Минаев 2006: 267].
душевность	черствость
«Володя, источая гостеприимство, выходит ко мне навстречу и долго жмет руку» [Минаев 2006: 203]. «Я, как могу, пытаюсь шутить и утешать его...» [Минаев 2006: 328].	«Его «здравствуйте, коллеги» звучит как «будьте вы прокляты, туземцы»» [Минаев 2006: 102]. «...Сколько людей мы сгноили или уволили во имя достижения этих пресловутых ПЛАНОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ» [Минаев 2006: 104].
реалист	романтик
«Бедные мальчики и девочки, рожденные в 1970-1976 годах. Сколько надежд на вас возлагали!» [Минаев 2006: 277]. «Как же жаль... как жаль, что из всех возможных путей они выбрали путь разрушения» [Минаев 2006: 280].	«...Мне безумно обидно и жалко себя до слез» [Минаев 2006: 269]. Мне реально очень плохо. Я разбит, я раздавлен всем этим дерьмом, которое сам же и воспроизвожу денно и нощно» [Минаев 2006: 310].

Продолжение таблицы

Духовность	Бездуховность
деятельность	бездельничанье
«Я пересекаю порог офиса, обуреваемый жаждой деятельности» [Минаев 2006: 202]. «Еще час я провожу с бумагами, переписываю себе годовые обороты клиентов, соотношу их с количеством обслуживаемых и с бюджетами, делаю пометки в блокноте и просматриваю почту. Затем вызываю по одному сейлс-менеджеров, осведомляюсь об их достижениях и спрашиваю их мнение...» [Минаев 2006: 204].	«Мне сегодня надо гулять, болтать и всячески бездельничать» [Минаев 2006: 91].
работа	Развлечение
«На самом деле свое рабочее время я в основном трачу на чтение подчиненным лекций по повышению их личного рвеня...» [Минаев 2006: 29].	«Я освобождаю все больше и больше времени в своем личном графике для того, чтобы занять его пустотой всех этих вечеринок, презентаций и опен-эйров» [Минаев 2006: 139].
умиротворение	Злость
«Я очень хочу прогуляться пешком, успокоить нервы и системно выстроить мысли» [Минаев 2006: 88]. «Я брожу вокруг пруда и плаваю на волнах собственного умиротворения» [Минаев 2006: 90].	«Меня колотит от злости. Я бью их по рукам, стараюсь больше...» [Минаев 2006: 310]. «И я просто раскаляюсь добела от этой неожиданно открывшейся мне правды...» [Минаев 2006: 315].
день	Ночь
«...Они так усердно занимаются собственным здоровьем только утром...» [Минаев 2006: 66]. «...Сегодняшний день унесет все мои депрессии, перепады настроения и прочую ерунду» [Минаев 2006: 70]. «День – время людей...» [Минаев 2006: 130].	«...Пространство внутри Садового кольца вечерами превращается в некое подобие компьютерной игрушки, населенной людьми-пустышками. ...Подобие невидимок, которые могут выходить из дома только в ночное время суток, когда искусственное освещение скрывает то, что под оболочкой из макияжа, платья... – скрыта пустота. Ночь – время мумий» [Минаев 2006: 130].

Приложение В

Внеклассное мероприятие по русскому языку: «В чем особенность употребления слов с приставкой без (бес)- в контексте романа С. Минаева «Duxless»?» (9 класс)

План-конспект внеклассного мероприятия

1. Цели внеклассного мероприятия по русскому языку:

I. Образовательные:

1) осмыслить своеобразие употребления слов с приставкой без (бес)- в романе С. Минаева «Duxless» путем определения его значения; научить выявлять среди многочисленной группы значений доминантную для конкретной без (бес)-приставочной единицы, функционирующей в тексте произведения;

II. Развивающие:

2) развитие умения и навыков правильного дифференцирования слов по семантическим модулям; совершенствование навыков учебно-исследовательских путей в разрешении лингвистических задач посредством определения значения и классификации по модулям без (бес)-приставочных единиц;

III. Воспитательная:

3) воспитывать интерес и наблюдательность к рассматриваемому и исследуемому языковому явлению; стимулировать развитие чувства любви, уважения к изучению и анализу русского языка; воспитывать стремление отличать семантику слов с приставкой без (бес)-, употребляющихся в контексте произведения; осознание особой роли без (бес)-приставочных слов в контексте художественного произведения.

2. Планируемые результаты УУД:

I. Личностные УУД:

1) осознание специфической роли слов с приставкой без (бес)- в совершенствовании нравственных и индивидуально-творческих компетенций учащихся; проявление смыслообразующей возможности посредством

определения семантической роли префиксальных единиц в интерпретации художественной картины мира; стремление к пополнению и совершенствованию лексического запаса;

II. Регулятивные УУД:

2) установление в процессе рассмотрения и исследования нового языкового явления причинно-следственных связей; внесение коррективов и дополнений в написанные работы, устные ответы; совершенствование навыков самоконтроля, синтеза и рефлексии;

III. Познавательные УУД:

3) выявление лексико-семантического модуля слов, представленных из контекста произведения; осознание смыслового богатства и мощи слов с приставкой без (бес)-; формирование системы логической цепи рассуждений в процессе анализа языкового явления; объяснение особенностей языковых явлений, связей и процессов между ними во время исследования специфики слов с приставкой без (бес)-;

IV. Коммуникативные УУД:

4) умение внимательно слушать и активно включаться в коммуникативный акт совместного обсуждения нового языкового явления; умение словесно выражать и доказывать собственную точку зрения; умение принимать во внимание позиции одноклассников, стремясь к координации разнообразных мнений в процессе группового сотрудничества.

3. Ход внеклассного мероприятия:

I. Оргмомент.

Учитель: *Здравствуйте, товарищи кадеты! Начнем сегодняшнее внеклассное мероприятие с просмотра трейлера романа С. Минаева «Duxless: Повесть о настоящем человеке». Вам необходимо обратить внимание не просто на краткую сюжетную линию, а записать в тетради ключевые слова, которые бы одним словом охарактеризовали смысл, заложенный в произведение.*

Учитель включает на ноутбуке трейлер фильма романа С. Минаева. Учащиеся внимательно смотрят трейлер и делают записи в тетради. После окончания зачитывают свои записи.

Волкова Татьяна: *Я записала при просмотре трейлера такие слова, как: богатство, роскошь, развлечение, бизнес.*

Абрамов Альберт: *Я отметил в тетради следующие слова: гламурная жизнь, безделье, клубы, наркотики.*

Попов Артем: *Я записал такие слова, как: однообразность, скука, проматывание жизни, кайф, престиж, имидж, одиночество.*

II. Мобилизирующее начало внеклассного мероприятия. Эмоциональное слово учителя.

Учитель: *Молодцы! Вы верно подобрали ключевые слова, которые раскрыли смыслообразующую роль романа С. Минаева «Duxless: Повесть о ненастоящем человеке». В книге поднимаются различные вопросы, окружающие общество того времени и место человека в нем. Произведение о безымянном герое топ-менеджере московской компании, который ведет необремененный и праздный образ жизни. Герой повествует о потерянном поколении, растратившим жизнь впустую, покорившимся бездарности, лицемерию, порочности. Гламур, беспечность, достаток во всем и аморальность привели героя-рассказчика к потере ценностных ориентиров. Фальшь, ставшая неразрывной частью человеческой натуры, иллюстрирует внутреннюю сущность обезличенных, падших и циничных людей, обреченных на постоянное прозябание. Со временем такой круговорот жизни начинает утомлять, истощать героя, и он стремится выбраться из него, став совершенно иным.*

III. «Открытие» учащимися новых знаний. Анализ языкового явления.

Учитель: *Я раздам вам карточки с заданием по данному произведению С. Минаева, в которых содержатся слова с приставками без (бес)-,*

функционирующими в тексте романа. Для выполнения задания вам необходимо разделить на три равные группы.

Учащиеся делятся на три равные группы и слушают объяснение учителем выполнения задания. Учитель распределяет карточки с заданием между тремя группами, объясняет его выполнение и дает 10 минут для работы с материалом задания. После учитель проводит фронтальный опрос.

Учитель: *Ребята, у каждой группы свои карточки с одинаковым заданием, однако различными отрывками предложения из романа С. Минаева «Духless». Вам необходимо выявить из данных отрывков предложений значение выделенных без (бес)-приставочных слов и соотнести их с данными в карточке семантическими модулями. Обратите внимание, что слова с приставками без (бес)- могут быть не соотнесены со всеми представленными семантическими модулями.*

Карточки с заданием для группового выполнения:

Карточка 1.

Распределите слова с без (бес)-префиксальными единицами, функционирующими в тексте С. Минаева «Духless» по семантическим модулям, выявив их значение на основе данных предложений.

1. Бессилие – «Я в этот момент думаю о... собственном бессилии» [Минаев 2006: 20].
2. Безнаказанный – «...Он выказал бы полное неуважение ко мне, что не осталось бы **безнаказанным**» [Минаев 2006: 203].
3. Бесцельный – «...Все персонажи вели абсолютно **бесцельное** существование» [Минаев 2006: 217].
4. Бессмысленный – «...Обзавёлся...парой **бессмысленных** адюльтеров» [Минаев 2006: 195].
5. Безнадёжно – «...Машет он **безнадёжно** рукой» [Минаев 2006: 214].
6. Бессонница – «Голова у меня очень мутная от **бессонницы**...» [Минаев 2006: 318].
7. Безделье – «Мир – созданный для **безделья**» [Минаев 2006: 142].

Семантические модули:

- а) отсутствия (лишённости);
- б) безрезультатности / нецелесообразности;
- в) неопределённости;
- г) долженствования
- д) оценочности;
- е) усилительной характеристики;
- ё) внутреннего состояния;
- ж) негативной оценки.

Карточка 3.

Распределите слова с без (бес)-префиксальными единицами, функционирующими в тексте С. Минаева «Духless» по семантическим модулям, выявив их значение на основе данных предложений.

1. Бесчестие – «Я реально чувствую себя ревизором из... фильма «Кодекс **бесчестия**»» [Минаев 2006: 246].
2. Безапелляционный – «...Вонзая в тень комнаты свои **безапелляционные**, отточенные формулировки...» [Минаев 2006: 231].
3. Беспонтовый – «Старпер... начинает пускать в меня **вводными** предложениями, совершенно **беспонтовыми**...» [Минаев 2006: 186].
4. Бесцельно – «...Что, собственно, изменилось в стране за то время, что мы так **бесцельно** разглагольствовали?» [Минаев 2006: 281].
5. Бессмыслица – «Спит ли мне какая-то **бессмыслица**» [Минаев 2006: 317].
6. Беспричинный – «...Я раздражаюсь, потому что чувствую за него... **беспричинную** ответственность...» [Минаев 2006: 273].
7. Бестолково – «...Когда твоё существование пусто и **бестолково**...» [Минаев 2006: 141].

Семантические модули:

- а) отсутствия (лишённости);
- б) безрезультатности / нецелесообразности;
- в) неопределённости;
- г) долженствования
- д) оценочности;
- е) усилительной характеристики;
- ё) внутреннего состояния;
- ж) негативной оценки.

Карточка 2.

Распределите слова с без (бес)-префиксальными единицами, функционирующими в тексте С. Минаева «Духless» по семантическим модулям, выявив их значение на основе данных предложений.

1. Бездействие – «...Что могло бы оправдать твоё **бездействие**» [Минаев 2006: 86].
2. Бессистемный – «То же **бессистемное** брожение сотен людей» [Минаев 2006: 210].
3. Безмазовый – «Я...устал от **безмазовых** выходов» [Минаев 2006: 92].
4. Бесполезный – «...Прочитать массу **полезных** и **бесполезных** книг...» [Минаев 2006: 279].
5. Бездуховность – «Муджи объединены общим космосом. ... Имя ей **БЕЗДУХОВНОСТЬ**» [Минаев 2006: 137].
6. Безупречно – «Новое по форме и **безупречно** правильное по содержанию» [Минаев 2006: 280].
7. Беззаботность – «...Печать легкости и **беззаботности** бытия» [Минаев 2006: 88].

Семантические модули:

- а) отсутствия (лишённости);
- б) безрезультатности / нецелесообразности;
- в) неопределённости;
- г) долженствования
- д) оценочности;
- е) усилительной характеристики;
- ё) внутреннего состояния;
- ж) негативной оценки.

IV. Обобщение, воссоздание целостности (синтез) рассматриваемого языкового явления. Формулирование выводов, обобщающих размышление над без (бес)-приставочными слова, употребляющимися в тексте романа.

Учитель: *Ребята, с какими семантическими модулями вы соотнесли употребляющиеся в тексте романа без (бес)-приставочные слова?*

Саранцев Андрей (Группа 1, карточка 2): *Мы отнесли слова «бездействие, бессистемный, бездуховность, безупречно, беззаботность» к семантическому модулю отсутствия, а слова «безмазовый, бесполезный» к семантическому модулю безрезультатности/нецелесообразности.*

Аскерова Алина (Группа 3, карточка 1): *Совместно с группой, мы отнесли слова «бессилие, безнаказанный, безнадежно, бессонница, безделье» к семантическому модулю отсутствия, а слова «бесцельный, бессмысленный» к семантике безрезультатности/нецелесообразности.*

Волкова Татьяна (Группа 2, карточка 3): *Мы отнесли такие слова с приставками без (бес)-, как «беспонтовый, бесцельно, бестолково» к модулю с семантикой безрезультатности/нецелесообразности, а слова «бесчестье, безапелляционный, бессмыслица, беспричинный» к модулю с семантикой отсутствия.*

Учитель: *Умницы, вы все верно распределили! Как вам так легко удалось это сделать?*

Азякова Ксения: *Сначала мы определяли значение слов с помощью данных предложений, потом соотносили с перечисленной семантикой. Если мы не могли понять значение какого-либо из этих слов, то искали в интернете полный текст или посредством метода исключения находили верный вариант.*

Миронов Георгий: *Нам, наоборот, было легко определить значение по предложению, то есть без помощи дополнительных ресурсов.*

Учитель: *Хорошо, молодцы! Как вы думаете употребление слов с приставкой без (бес)- в тексте романа писателя случайно или они несут какую-либо авторскую идею? Если да, то подумайте в чем же она заключается?*

Дегтярева Варвара: *Я думаю, что автор использует их в произведении неслучайно. С. Минаев описывает внутренний мир, мысли, образ жизни героя.*

Пахомов Артем: *Скорее всего, автор показывает нам героя, который в процессе своей жизни теряет что-либо важное, необходимое, приходя постепенно к безрезультатности.*

Пузач Яна: *Ощущается, что в эти слова с приставкой без (бес)- автор вносит смысл бессмысленности, безнравственности существования людей, увлеченных деньгами, роскошью, выпивками, клубами, девушками.*

Учитель: *Правильно, молодцы! Об отсутствии и безрезультатности чего сообщает автор при помощи без (бес)-приставочных слов?*

Ишутова Ирина: *Об отсутствии в жизни смысла, цели. Безрезультатности изменений в окружающей действительности. В общем того, что привнесло бы в жизнь человека настоящее счастье.*

Учитель: *Да, верно! А без чего в человеке нет хорошего?*

Баширова Белла: *Без добра, искренности, сочувствия, любви.*

Абрамов Альберт: *Без взаимопонимания, дружбы, сытости, душевной теплоты.*

Учитель: *Правильно! Так, мы видим, что С. Минаев показывает нам образ бездуховного человека, утратившего смысл в жизни, ценностные ориентиры. Художественное целое романа также отражается в его названии, что свидетельствует о потере собственного «я», разрушении личностной составляющей и погружении в бездну моральных устоев. А без (бес)-приставочные слова характеризуют художественное пространство романа, иллюстрируя не только потерю, бессмысленность существования, но и борьбу человека с демоническим началом. Эта двойственность делает героя обезличенным существом, прибегающим к различным маскам, которые скрывают его истинное лицо.*

V. Контроль в виде приема синквейна.

Тема
два прилагательных
три глагола
Фраза, несущая философское осмысление

Учитель: Убедимся насколько хорошо вы осмыслили предназначение слов с приставкой без (бес)- в романе С. Минаева «Духless», а для этого сочиним синквейн на предложенную тему «Духовность» и «Бездуховность». Но перед этим обратите внимание на план, записанный на доске для его написания. Первая строка синквейна тема о котором пойдет речь, у нас – это «Духовность» и «Бездуховность». Вторая строка – два прилагательных, дающих описание признаков и свойств выбранного в синквейне предмета или объекта. Третья строка – три глагола, описывающих характерные действия предмета или объекта. Четвертая строка выражение личного отношения автора синквейна к описываемому предмету или объекту. Итак, можете теперь приступить к написанию синквейна.

Учащиеся внимательно, послушав объяснение учителя, начинает выполнять задание. После написания синквейна учитель проводит индивидуальный опрос.

Синквейн Ерышева Ивана:

Духовность	Бездуховность
Целостная, гармоничная Совершенствует, оживляет, возвышает Без нее человек просто ничто, она созерцает в нем истину, любовь.	Пагубная, лживая Ожесточает, опустошает, разрушает Убивает все самое лучшее и чистое в человеке.

Учитель: Молодцы, ребята! Вы хорошо справились с сочинением синквейна. У каждого из вас он получался уникальным, глубоко душевным, трепетным, искренним.

VI. Конец урока.

Учитель: Ребята, на сегодняшнем внеклассном мероприятии мы осмыслили, что слова с приставками без (бес)- несут в художественном тексте особую смысловую нагрузку. Они способствуют раскрытию авторской идеи, образов, внутреннего мира героев. Уникальным по своим возможностям оказывается интерпретация без (бес)-приставочных единиц

в художественной картине произведения С. Минаева «Duxless». Спасибо всем за внимательность и активную работу. До свидания!

Учащиеся благодарят учителя за интересно проведенное внеклассное мероприятие, прощаются.